ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦВ1
В799

Водховецкий ЧЕМУ УЧИТЬ КОНСТ.

ЦВІ
В799

The Lesson of Loris-Melikov's "Constitution"

by

F. VOLKHOVSKY.

Изданій Фонда Вольной Русской Прессы вып. 8-ой.

Цѣна: 4 пенса; (40 сант.; 6 цент.)

В

Ф. Волховскій.

ЧЕМУ УЧИТЪ „КОНСТИТУЦІЯ гр. Лорисъ-Меликова"?

1894.

PUBLISHED BY THE "RUSSIAN FREE PRESS FUND".

LONDON.

Къ этой брошюрѣ приложенъ отчетъ о дѣятельности «Фонда» съ его основанія по 1 января 1894 года.

(All rights reserved.)

1-я тысяча.

4й О.Ф

ИЗДАНІЯ «ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ ВЪ ЛОНДОНѢ» а равно и другія запрещенныя для ввоза въ Россію книги, поименованныя въ каталогахъ **Фонда**, можно получать лично и по почтѣ въ книжныхъ складахъ послѣдняго: 1) **W. Voynich, 15, Augustus Road, Hammersmith, W., London.** (9 — 1 ч. дня ежедневно); 2) **L. Goldenberg, 51, Tribune Building, New-York**; 3) **A. Evalenko, 20, Jefferson Street, New-York.**

Изданія Фонда находятся также на коммиссіи у слѣдующихъ книгопродавцевъ и частныхъ лицъ:

ENGLAND.

London. — 1) Messrs. Asher & Co., 13, Bedford Street, Covent Garden; 2) D. Nutt, 270, Strand; 3) A. Siegle, 30, Lime St., E.C.
Leeds.—Mr. Rothstein, 87, Byron Street.
Cardiff.—W. Lewis, Bookseller, Duke Street.

N. AMERICA

New-York. — Abramovich Bross, 72, News Stand, Corner Canal, Allen Str.
Chicago (Ill.). — Mr. Bernstein, 549, South Canal Street.

BELGIQUE.

Bruxelles. — Messageries de la Presse, 16, rue du Percil.
Liège. — Librairie Bellence, 8, rue Régence.
Anvers — Librairie Ackerman, 29, Place Verte.

БЪЛГАРИЯ.

Варна. — Книжарница на **В. Божиловъ.**
Казанлыкъ. — Книжарница на **Пенковъ.**
София. — Книжарница на **Т. Чипевъ.**
Търново. — Въ редакцията на в. «Работникъ»

DEUTSCHLAND.

Berlin.— 1) Behr's Buchhandlung; — 2) Stuhr's Buchhandlung.
Leipzig. — 1) Kasprovicz, Buchhandlung; 2) «Literarische Anstalt» August Schulze; 3) Slavische Buchhandlung (Roskoschny).
Wiesbaden. — Birlenbach Buchhandlung.
Danzig. — Dr. B. Lehman'sche Buchhandlung.
Karlsruhe. — Buchhandlung Billifeld.

(см. 3-ью стр. обложки.)

The Lesson of Loris-Melikov's «Constitution»
by F. VOLKHOVSKY.

Выпускъ 8-ой Цѣна 4 п. (40 сант.; 6 цент.).

ЦВ1
В-799

Ф. Волховскій.

ЧЕМУ УЧИТЪ КОНСТИТУЦІЯ гр. Лорисъ-Меликова "?

1894.

Published by «The Fund of the Russian Free Press.» — London.

(*All rights reserved.*)

1-я Тысяча.

4 экз.

К.

ЦВІ
В799

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
2911
2/6 411447 у

2011
У
83

ЛОНДОНСКІЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 4, Stamford Brook Road, Hammersmith, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

Е. Лазаревъ (*28, rue da la Glaciere, Paris*) до августа 1894 г.

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko*, — адресъ лондонскаго склада).

ИЗДАНІЯ ФОНДА:

—o—

1-ый выпускъ. — «Чего Намъ Нужно и Начало Конца». **С. Степняка.** Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант. 10 центовъ).

2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 5000 экземпляровъ. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

3-ій выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант.; 20 центовъ).

4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровскій, Членъ 'Пролетаріата'» (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

5-ый выпускъ. — «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко.** 5000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).

6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». **С. Степняка.** 4000 экз. Цѣна 2 ш. (2,50 фр.).

Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 1000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).

7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

8-ой выпускъ. — «Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 5000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 6 центовъ).

9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». **С. Дикштейна.** Народное изданіе съ портретомъ автора. 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

10-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 центовъ).

11-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ» XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 сант.; 25 цент.).

12-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 сант.; 50 центовъ).

13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драматическія сцены. **Н. Старикова.** 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

Чему учитъ

„КОНСТИТУЦІЯ гр. ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВА“?

I.

ПОСЛѢДНІЙ періодъ царствованія Александра II не имѣетъ прецедента въ русской исторіи. Впервые за время существованія государства русскій престолъ сдѣлался вакантнымъ благодаря усиліямъ правильно-организованной, хотя и сравнительно малочисленной политической партіи, дѣйствовавшей во имя соціалистическаго идеала, но фактически поставившей своею ближайшею задачей борьбу противъ бюрократическаго самодержавія. Александръ II былъ обреченъ не потому, чтобы онъ былъ лично невозможнымъ для своего положенія человѣкомъ, какъ Павелъ, и не потому, чтобы лицомъ къ лицу съ нимъ стоялъ соперникъ, представлявшій интересы, отличные отъ интересовъ, имъ представляемыхъ, какъ это было при Петрѣ III, а потому, что онъ являлся и самъ себя признавалъ олицетвореніемъ принципа, которому объявлена была война на жизнь и смерть. Ударъ былъ направленъ не противъ личности, а противъ идеи. Александръ II считалъ дѣломъ своей чести, пли выгоды сохранить нетронутымъ русское бюрократическое самодержавіе, т. е. безотвѣтственность дѣйствительныхъ правителей страны передъ народомъ и возмож-

ность покровительствовать извѣстнымъ группамъ населенія, въ томъ числѣ — этой самой бюрократіи, въ ущербъ интересамъ трудящейся массы и въ ущербъ свободѣ и духовнымъ интересамъ (воспитанію, литературѣ и проч.) всего населенія. Этимъ самымъ онъ принималъ отвѣтственность за всю внутреннюю и внѣшнюю политику имперіи на себя лично. Соціалисты-революціонеры приняли вызовъ и повели борьбу лично противъ царя. Утилитарныя соображенія, иногда приводившіяся въ пользу цареубійства — какъ напримѣръ предполагавшееся эмансипирующее его вліяніе на умъ мужика — только подкрѣпляютъ наше опредѣленіе. Если-же къ этой чисто-принципіальной борьбѣ противъ всякаго представителя чистаго самодержавія и примѣшивалось личное раздраженіе противъ Александра II, какъ такового, — раздраженіе, находившее себѣ широкіе отголоски даже въ томъ обществѣ, которое не раздѣляло идеаловъ партіи, то это объясняется съ одной стороны непомѣрной свирѣпостью преслѣдованій направленныхъ противъ членовъ партіи, а съ другой тѣмъ, что, отнимая одной рукой то, что онъ давалъ другой, этотъ неискренній неудачникъ на тронѣ заранѣе обрекалъ себя на недовольство населенія, даже тогда, когда дѣянія его и приносили что-нибудь доброе. Указанная личная примѣсь не играла, однако, абсолютно никакой рѣшающей роли въ борьбѣ. Если-бы личнаго раздраженія не существовало вовсе, все равно Александръ II былъ-бы обреченъ на смерть съ тѣхъ поръ, какъ онъ отождествилъ себя съ отрицаніемъ правъ человѣка и отрицаніемъ контроля населенія надъ государственною жизнью.

Характеръ столкновенія и дальнѣйшей борьбы въ этомъ случаѣ былъ заранѣе предопредѣленъ исторіей. Прямолинейность, отсутствіе компромиссовъ и, какъ слѣдствіе, крайнее упорство и ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ — таковы были главныя черты этой схватки, и иными онѣ не могли быть. Это было прямое и неизбѣжное слѣдствіе политической запоздалости Россіи сравнительно съ западной Европой, при необходимости итти съ нею сколько-нибудь въ ногу по пути культурнаго, техническаго, художественнаго и отчасти идейнаго прогресса. Будучи введена Петромъ I и его преемниками въ систему европейскихъ государствъ, Россія принуждена была — подъ страхомъ утратить свое международное положеніе — вводить у себя усовершенствованія въ вооруженіи

войскъ, въ ихъ организаціи, телеграфы, желѣзныя дороги, даже имѣть театры, академіи и училища — и не только на показъ: ни инженеровъ, ни медиковъ, ни дипломатовъ, ни оружейниковъ и кораблестроителей нельзя было имѣть безъ наличности какой-ни-на-есть науки, какого-ни-на-есть образованія, какого-ни-на-есть культурнаго и идейнаго развитія. Развитіе это было жалкое, хромое, загнанное, или затянутое въ фельдфебельскій мундиръ и ботфорты, а все-таки это было развитіе. Такое положеніе дѣлъ дало съ теченіемъ времени двоякій результатъ. Съ одной стороны оно отдало въ руки бюрократическаго абсолютизма такія техническія средства самозащиты, какихъ онъ не имѣлъ въ свое время въ другихъ странахъ и тѣмъ усилило его живучесть, его упорство въ самосохраненіи, другими словами — предопредѣлило борьбѣ противъ него быть трудной, долгой и безпощадной. Съ другой стороны — образованіе, понятія, формы общежитія, промышленности и культуры, выработанныя на западѣ при наличности болѣе совершенныхъ политическихъ формъ, будучи частью перенесены на русскую почву самимъ правительствомъ, частью перешедши къ намъ помимо и вопреки ему, совершенно несоотвѣтствовали абсолютизму и подавленности личности, и накопляли въ извѣстной части общества элементы, для которыхъ было органически невозможно выносить это несоотвѣтствіе, — легче было умереть. Мучительность жизни, усиливавшая въ этихъ элементахъ раздраженіе и рѣшимость, удесятерялась тѣмъ фактомъ, что государственный бюджетъ, непомѣрно возраставшій съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ необходимости поддержать международное положеніе Россіи а также роскошь высшихъ классовъ напрягали всѣ платежныя средства населенія, тогда какъ бюрократическій абсолютизмъ сковывалъ духъ иниціативы и не давалъ экономіи страны развивать новые и старые источники дохода.

Послѣ встряски, данной всему русскому народу и его государственнымъ и общественнымъ порядкамъ сперва севастопольскимъ погромомъ, а затѣмъ освобожденіемъ крестьянъ, указанный выше уродливый, двойственный процессъ развитія пошелъ еще быстрѣе. Зародыши новой жизни, основанной на признаніи правъ личности, не могли долѣе существовать совмѣстно съ абсолютизмомъ, а русская дѣйствительность того времени не выработала еще почвы для компромиссовъ. При полной подавленности личности

правительственнымъ всевластіемъ и произволомъ, при полномъ отсутствіи политической практики во вседневной жизни и при свирѣпости преслѣдованій за каждое проявленіе независимости во мнѣніяхъ или дѣйствіяхъ, — только крайнія по темпераменту личности отваживались на активную и упорную борьбу противъ существующаго политическаго порядка — или вѣрнѣе безпорядка —Россіи. По той-же причинѣ этимъ элементамъ приходилось дѣйствовать прежде всего во имя требованій, сформулированныхъ наиболѣе абстрактно и обще. И вотъ, къ концу царствованія Александра II мы видимъ уже обѣ силы въ отчаянной схваткѣ: съ одной стороны стоитъ бюрократическій абсолютизмъ, не желающій уступить ни іоты изъ своего анахроническаго, невозможнаго положенія; съ другой — всѣ тѣ новые элементы, для которыхъ было органически невозможно существовать совмѣстно съ абсолютизмомъ, теперь уже съорганизованные въ боевую партію, стараются выполнить свою историческую миссію, т. е. либо побѣдить его, либо умереть. Исторія поставила поредъ ними эту альтернативу, не создавъ для нихъ въ данный моментъ никакого иного поля дѣятельности и они слѣдовали своему назначенію съ геройствомъ и умѣньемъ, завоевавшими русскому революціонному генію удивленіе и почтеніе всего міра. Горсть людей съ совершенно ничтожными средствами, при непомѣрномъ неравенствѣ борющихся силъ, нетолько отвѣчаетъ озвѣрѣвшему царизму ударомъ на ударъ, но безостановочно напрягаетъ свои усилія по мѣрѣ неуступчивости противника, переходитъ въ наступленіе и наконецъ уничтожаетъ главу и представителя противуположнаго лагеря!

II.

Какъ и слѣдовало ожидать, Исполнительный Комитетъ обратился тотчасъ послѣ смерти Александра II къ его преемнику, приглашая его вступить на тотъ путь, который такъ упрямо отвергалъ его предшественникъ. Написанное языкомъ полнымъ достоинства и умѣренности, обращеніе это щадило въ Александрѣ III чувства сына и человѣка его воспитанія и положенія, и заявляло торжественно, что «какъ только Верховная Власть откажется быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа»*. Въ этомъ заявленіи заключалось другое, а именно: если-де Верховная Власть не откажется отъ произвола и неограниченности, то и Исполнительный Комитетъ не прекратитъ своей дѣятельности и организованныя вокругъ него силы не разойдутся.

Какъ извѣстно, новый императоръ не только не вступилъ на новый путь, но — вотъ уже 12 лѣтъ — старается вернуть Россію къ николаевскимъ временамъ, открыто заявивъ, что онъ будетъ поддерживать принципъ и практику самодержавія во что-бы ни стало. Естественно было ожидать, что дѣятельность Исполнительнаго Комитета усилится, какъ огонь, встрѣчающій на пути еще болѣе высокую досчатую стѣну, чѣмъ та, которую онъ уже уничтожилъ. Вмѣсто того она совсѣмъ замерла.

Какъ могло это случиться? Очень просто. Масса народа, хотя и стонала подъ тяжестью всевозможной эксплуатаціи, угнетенія и униженія, но не приписывала своихъ бѣдъ царю, видя въ немъ, напротивъ, освободителя и защитника. Даже въ той долѣ крестьянства и мѣщанства, до которой доходила наша пропаганда, нельзя было ожидать, кромѣ единичныхъ случаевъ, ничего иного при вѣсти о цареубійствѣ, кромѣ недоумѣнія. Не сами-ли мы

* Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 г.

учили, что главное въ кулакѣ, помѣщикѣ, чиновникѣ и попѣ? Почему-же изъ всѣхъ изъ нихъ кара обрушилась именно на царя? И какія требованія могъ крестьянинъ предъявить новому царю, когда онъ и безъ того считалъ его на своей сторонѣ? Русское общество въ обширномъ смыслѣ слова, — то общество, которое не стояло и не могло стоять въ рядахъ «Народной Воли», а между тѣмъ чувствовало гнетъ самодержавія — оказалось въ моментъ насильственной перемѣны императоровъ политически незрѣлымъ, неготовымъ потребовать признанія своихъ человѣческихъ правъ, пользуясь удобнѣйшимъ для того моментомъ, а сама «Народная Воля» не попыталась вызвать уличнаго возстанія. Печать въ лицѣ 2 — 3 либеральныхъ газетъ, правда, указала на народное представительство, утвержденіе законности и общій поворотъ во внутренней политикѣ въ сторону радикализма, какъ на единственный вѣрный правительственный путь. Къ чести земствъ надо сказать, что три изъ нихъ (Самарское, Новгородское и Таврическое) также заявили подобныя желанія. То-же сдѣлало Самарское дворянство. Но не говоря уже о малочисленности голосовъ*, они прежде всего заботились, какъ-бы не подумали, что они почтительно требуютъ своихъ правъ, а не молятъ о милостяхъ. Что-же до другихъ элементовъ, то ни высшіе «сановники», ни ученыя корпораціи, ни хотя-бы часть войска ничѣмъ не показали, что они дѣйствительно, серіозно желаютъ признанія своихъ человѣческихъ правъ и готовы постоять за нихъ хотя пассивно. Ни одной петиціи въ этомъ смыслѣ небыло подано. Мало того. Въ 1881 г. нѣсколько смѣльчаковъ затѣяло одновременно 2 подписки: одну — въ пользу крестьянъ, обездоленныхъ гр. Дмитріемъ Толстымъ, другую — въ пользу политическихъ административныхъ ссыльныхъ. Смыслъ и значеніе обѣихъ подписокъ были очевидны. Если-бы въ нихъ явно приняли участіе многіе, то онѣ показали-бы, что съ обществомъ надо считаться. Оказалось, однако, что даже въ столицахъ не нашлось нужнаго для этого числа лицъ, достаточно развитыхъ политически и съ достаточно зрѣлымъ чувствомъ внутренней независимости. Подписки дали ничтожныя суммы, большинство подписей было: x, y, z! Даже Григорій Елисѣевъ побоялся дать свое имя. Видя безсиліе недовольныхъ, правительство запретило обѣ подписки.

* Въ пользу представительнаго правленія высказалось послѣ 1 Марта всего 12 земствъ; но 9 — по вызову самого правительства.

Напротивъ того, холопья часть общества, предводимая прохвостами отъ вѣрноподданичества, подняла ревъ и вой. Посыпались «къ подножію трона» адреса, повторявшіе на 1000 ладовъ исконную русскую тему: «Вы наши отцы, мы ваши дѣти!» Началось поклоненіе мѣсту, гдѣ былъ впервые сраженъ представителями независимаго духа упрямый представитель самодержавія; имя его стало произноситься и печататься не иначе, какъ съ эпитетомъ «мученикъ». Все это ободрило новое правительство и подсказало ему образъ дѣйствій. Извѣстно, что первоначально трауръ по Александрѣ II былъ назначенъ обыкновенный (полугодовой, съ закрытіемъ театровъ на 3 мѣсяца); но сооруженіе всевозможныхъ иконъ Александра Невскаго, возженіе неугасимыхъ лампадъ въ память «царя-мученика», при отсутствіи сколько-нибудь замѣтныхъ проявленій трезвой и рѣшительной политической жизни съ либеральной стороны, показали правительству, что оно проглядѣло собственныя выгоды и трауръ былъ продолженъ вдвое.

И такъ, для русскаго общества въ обширномъ смыслѣ слова благопріятнѣйшій моментъ для требованія политичесиихъ правъ, доставленный первымъ марта, пропалъ даромъ. Оно оказалось неспособнымъ воспользоваться имъ. Не на него, конечно, и разсчитывали террористы, когда обдумывали практическія послѣдствія взрыва 1-го Марта. Они разсчитывали на собственныя силы и ихъ дальнѣйшее развитіе. Съ ними они и предполагали возобновить борьбу. Оказалось однако, что только что одержанная побѣда, — побѣда безпримѣрная въ исторіи, если принять во вниманіе страшное неравенство рессурсовъ противниковъ, была выиграна только благодаря неимовѣрному напряженію всѣхъ силъ партіи и обезсилила послѣдюю настолько, что новый представитель и защитникъ самодержавія могъ довольно долгое время не бояться ея. Результатъ печальный, но было-бы недостойной близорукостью ставить его на счетъ русской революціонной партіи.

При наличности извѣстныхъ историческихъ условій могутъ произойти только извѣстныя событія. То-же самое слѣдуетъ сказать и о нашихъ террористахъ. Исторія выдвинула ихъ мстителями за всѣ издѣвательства и за все мучительство, совершенное бюрократическимъ царизмомъ надъ русскимъ народомъ, — мстителями, безъ существованія которыхъ можно было-бы усумниться въ самой способности русскаго народа чувствовать гнетъ и оскор-

бленіе, — усумниться въ томъ, что онъ заслуживаетъ быть свободнымъ. Эта миссія была выполнена нашими террористами поистинѣ титанически: они сдѣлали въ этомъ направленіи болѣе, чѣмъ отъ человѣческихъ силъ можно было ожидать и оставили намъ въ наслѣдство вѣру въ насъ самихъ, какъ борцовъ за права человѣка. Уже этого одного достаточно, чтобы съ благодарностью занести ихъ дѣятельность на лучшія страницы нашей исторіи. Но они — и вообще русскіе революціонеры разсматриваемаго періода — сдѣлали гораздо больше. Они предшествовавшее идеалистическое, безформенное движеніе, абстрактный культъ поклоненія (фантастическому) народу постепенно превратили въ настоящую политическую борьбу. Они завѣщали послѣдующимъ поколѣніямъ традиціи — столь драгоцѣнныя намъ при полномъ отсутствіи общественно-политической практики въ нашемъ прошедшемъ, — традиціи и тактическія, и принципіальныя. Они попытали на практикѣ политическую воспріимчивость не только русскаго интеллигента и сельскаго мужика, но и городского рабочаго, солдата, матроса и офицера, и сдѣлали серьёзные и успѣшные опыты организаціи ихъ во имя осязательныхъ требованій. Они выставили удовлетвореніе народа землей, какъ первую немедленную практическую мѣру экономическаго переустройства, а народное представительство и обезпеченіе личности противъ «личнаго усмотрѣнія», какъ первую немедленную политическую мѣру; рядомъ съ этимъ ихъ братское отношеніе ко всѣмъ національностямъ заранѣе ставило національный вопросъ въ Россіи (хотя и безсознательно) на почву федерализма и равноправія. Вотъ что сдѣлали эти люди, идя путемъ, предопредѣленнымъ имъ исторіей. И если ихъ дѣятельность не дала такихъ результатовъ, которые отразились-бы немедленнымъ облегченіемъ лежащей на насъ политической и экономической тяготы — вините въ этомъ прошлое, вините ту киргизъ-кайсацкую исторію, которая предопредѣлила имъ путь, а не людей, могущихъ составить гордость любой націи и не партію, ими представляемую. Имъ — слава во вѣки и пусть свѣтлый ореолъ горитъ вокругъ ихъ мученическихъ головъ неугасимымъ свѣтомъ!

III.

Въ то время, какъ русская революціонная партія была въ апогеѣ своего могущества, готовясь нанести 1-го Марта свой послѣдній ударъ врагу народа, иные элементы русскаго общества, элементы, которые не чувствовали въ себѣ и непосредственно соприкасавшейся съ ними массѣ достаточныхъ силъ и политическаго сознанія, нужныхъ для революціонной борьбы, — подняли свои взоры съ упованіемъ, словно евреи въ пустынѣ на мѣднаго змія, на человѣка, внезапно возвысившагося изъ положенія провинціальнаго генерала до положенія русскаго вице-императора. Человѣкъ этотъ бызъ совершенный homo novus въ петербургскихъ сферахъ, онъ имѣлъ противъ себя весь придворный міръ, кромѣ морганатической жены царя, княгини Юрьевской и заявлялъ себя либераломъ. Ослабленіе при немъ цензурнаго гнета, сравнительно любезное отношеніе къ земцамъ, обывателямъ и профессурѣ, обращеніе къ нимъ за докладными записками по государственнымъ вопросамъ, отмѣна соляного налога, замѣна мракобѣса Толстого и невѣжды Грейга людьми болѣе приличными, наконецъ нѣкоторыя выходки, въ родѣ аудіенціи съ Гаршинымъ, показывавшія доступность и простоту новаго перваго министра, — все это создало Лорисъ-Меликову небывалую дотолѣ въ его положеніи популярность и заставило многихъ возлагать на него надежды, которыя теперь оказываются крайне преувеличенными и вовсе не соотвѣтствовавшими дѣйствительности.

Преувеличеніе, какъ теперь ясно изъ документовъ, опубликованныхъ нами въ брошюрѣ «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», было двойное: во первыхъ въ размѣрѣ тѣхъ политическихъ благъ, которыя, предполагалось, вице-императоръ добудетъ русскому обществу и народу; во вторыхъ въ томъ, что онъ изберетъ наилучшую тактику для ихъ завоеванія. Этотъ второй пунктъ представляетъ особенный интересъ, ибо изъ него можно и должно извлечь практическій урокъ для будущаго. Но прежде чѣмъ приступить къ этому основному вопросу, намъ надобно сказать нѣсколько словъ о первомъ пунктѣ несбывшихся надеждъ.

Отъ Лорисъ-Меликова ожидали ни болѣе, ни менѣе, какъ «конституціи», т. е. дѣйствительнаго и замѣтнаго ограниченія самодержавія посредствомъ какого-ни-на-есть выборнаго представительства, а также — расширенія и утвержденія гражданскихъ правъ обывателя. Теперь мы имѣемъ передъ собою подлинный текстъ его доклада царю, а также изложеніе его частныхъ проектовъ, и — вотъ къ чему сводятся его тогдашніе планы.

Предполагалось прежде всего произвести сенаторскія ревизіи въ восьми губерніяхъ и такимъ путемъ добыть матерьялы для освѣщенія различныхъ вопросовъ, касавшихся общаго управленія, суда, государственнаго хозяйства и народнаго просвѣщенія.

Матерьялы, добытые сенаторскими ревизіями, вмѣстѣ съ тѣми, какіе можно было и слѣдовало добыть изъ министерствъ и другихъ центральныхъ учрежденій, сгруппированные «по однороднымъ предметамъ» и приведенные въ тотъ порядокъ, какой надлежащій министръ найдетъ лучшимъ, должны были подвергнуться разсмотрѣнію и обсужденію особыхъ «подготовительныхъ коммиссій», образованныхъ (§ 3 доклада Л.-М.) правительствомъ, по собственному его выбору и назначенію изъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, а также изъ «приглашенныхъ (а не избранныхъ населеніемъ!) съ высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ, служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ, или опытностію по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, или народной жизни».

Этимъ-то чисто правительственнымъ коммиссіямъ предполагалось поручить выработку «законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшею волею». Другими словами, какъ законодательную инціативу, такъ и широту отклоненія отъ правительственныхъ проектовъ бюрократическое самодержавіе ревниво оставляло за собой, очевидно считая опаснымъ для своего существованія даже ту долю самостоятельности, какая могла-бы проявиться въ коллегіяхъ, всѣ члены которыхъ выбраны и назначены имъ самимъ. Выработанные подготовительными коммиссіями законопроекты имѣли поступить на обсужденіе «Общей Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго высочайшею властью». Эта-то коммиссія и была, собственно, тѣмъ учрежденіемъ, посредствомъ котораго предполагалось осуществить «обращеніе къ содѣйствію общественныхъ силъ», установить

«плодотворную связь между правительствомъ и лучшими жилами общества» и «явить новый знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ подданнымъ».

Общая Коммиссія должна была состоять изъ а) лицъ выбранныхъ высочайшею властью изъ числа правительственныхъ ставленниковъ, засѣдавшихъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ; в) изъ лицъ выбранныхъ — не только изъ числа гласныхъ, но изъ кого угодно — губернскими земствами 35-ти земскихъ губерній (по одному или по два отъ каждой, — соображаясь съ населеніемъ губерніи) а также думами значительнѣйшихъ городовъ (въ столицахъ по два, въ прочихъ городахъ по одному) и в) изъ «назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ»; что это за порядокъ — въ проектѣ Лорисъ-Меликова не опредѣлялось. Дѣятельность коммиссіи должна была быть исключительно совѣщательною. «Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ», сказано въ проектѣ Лорисъ-Меликова, — что, впрочемъ, вполнѣ ясно изъ предидущаго и безъ спеціальнаго о томъ упоминанія. Законопроекты, поступившіе изъ Подготовительныхъ Коммиссій въ Общую Коммиссію и, разсмотренные ею, «вносятся законнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ подлежащими министрами съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра»; Государственный Совѣтъ рѣшаетъ и перерѣшаетъ постановленія Общей Коммиссіи, а надо всѣмъ этимъ стоитъ, конечно, рѣшающее слово царя и его внушителей.

Какая-же это «конституція»? Тутъ и подобія конституціи нѣтъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ, впервые увидѣвшихъ свѣтъ въ изданной нами анонимной брошюрѣ есть выдержка изъ письма Фридриха-Вильгельма IV къ Александру III. Мы совѣтуемъ читателю перечитать это драгоцѣнное произведеніе. Въ немъ искусившійся въ борьбѣ противъ собственныхъ подданныхъ ветеранъ съ трогательной заботливостью стараго плута о начинающемъ плутовское поприще племянникѣ учитъ послѣдняго, какъ надуть націю, давъ ей подъ именемъ конституціи какъ можно меньше изъ того, что ей нужно. Совѣты его очень цѣлесообразны. При всемъ томъ и онъ считалъ нужнымъ признать религіозную

равноправность и «обезпечить парламенту участіе въ законодательной власти», т. е. совѣтовалъ ввести прямое народное представительство съ рѣшающимъ голосомъ по всѣмъ вопросамъ, кромѣ бюджета, отставки министерства и преданія его суду, а мы знаемъ, что на этой почвѣ, какъ ни недостаточна она, выросло теперешнее политическое развитіе нѣмцевъ съ ихъ парламентарной соціаль-демократической партіей. Фридрихъ Вильгельмъ совѣтовалъ не допускать полной свободы печати и преподаванія; но, повидимому, охраненія этой несвободы предполагалось достигнуть не изъятіемъ вопросовъ, сюда относящихся, изъ обсужденія парламента, а лишь усвоеніемъ извѣстной тактики въ перламентской борьбѣ. Старый императоръ, очевидно, допускалъ выборную агитацію и всю политическую практику, соединенную съ нею, а также внесеніе законопроектовъ самими представителями, помимо министерства, и право ихъ дѣлать министерству запросы, — т. е. именно ту практику, которая служитъ политической школой для массъ, — школой, въ которой мы такъ нуждаемся. О пріобрѣтеніи такой школы путемъ временныхъ уступокъ со стороны крайнихъ партій можно было-бы серіозно разговаривать, ибо, безъ политическаго образованія и дисциплинированія населенія на практикѣ, не добудешь и того, изъ за чего эти партіи бьются.

Но даже и этого нѣтъ въ проектахъ Лорисъ-Меликова. Не говоримъ уже объ отвѣтственномъ министерствѣ и о бюджетѣ. (Замѣчательно, что вопросы, предложенные ревизовавшимъ сенаторамъ въ качествѣ инструкціи, касались только четырехъ министерствъ (внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія) между которыми министерства финансовъ не было. А такъ какъ, насколько можно судить по даннымъ брошюры, эти-же вопросы должны были служить рамками для работъ подготовительныхъ коммиссій, то, повидимому, вопросъ о бюджетѣ едвали предполагалось вносить на обсужденіе даже совѣщательной Общей Коммиссіи.) Выборовъ въ массѣ населенія не предполагалось вовсе, а стало быть не было и предлога говорить публичныя рѣчи, обсуждая предъ населеніемъ программы кандидатовъ въ Общую Коммиссію. Все должно было происходить въ четырехъ стѣнахъ думъ и земскихъ собраній, причемъ — вопросъ еще, была-ли бы публика допущена въ засѣданія, касавшіяся выборовъ. Безъ сомнѣнія, засѣданія эти происходили-бы

на основаніи правилъ, существовавшихъ для земскихъ и думскихъ засѣданій, т. е. предсѣдатели собраній имѣли-бы право лишать ораторовъ слова, а губернаторы — останавливать печатаніе отчетовъ объ этихъ засѣданіяхъ.

Взглянемъ теперь на самую Общую Коммиссію. По основной идеѣ это должно было быть учрежденіе, посредствомъ котораго населеніе съ одной стороны, и опытъ и наука съ другой — давали-бы свои заключенія по государственнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ и частью формулируемымъ въ законопроекты самимъ правительствомъ. На практикѣ это было-бы довольно пестрое собраніе людей, представлявшихъ прежде всего и по преимуществу самихъ себя, но никакъ не населеніе. Значительная, если не большая часть этихъ лицъ была-бы назначена правителъствомъ, тѣ-же, которые были-бы выбраны земствами и думами, представляли-бы результаты такихъ избирательныхъ системъ, которыя словно нарочно были созданы для того, чтобы не представлять населенія. Не забудемъ о земскомъ цензѣ, о томъ, что губернскіе земскіе гласные избирались не непосредственно населеніемъ, а выбранными имъ уѣздными гласными, такъ что выборы въ коммиссію были-бы уже третьей передачей полномочій; не забудемъ, что въ думахъ мы имѣемъ представительство не лицъ, а имуществъ и что въ нихъ часто 11 — 13 богатѣйшимъ лицамъ города (составляющимъ 1-ый разрядъ избирателей) принадлежитъ столько-же голосовъ ($\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$), какъ и тысячамъ бѣднѣйшихъ (2-й или 3-й разрядъ). Не забудемъ, что среди этого предполагавшагося собранія экспертовъ громаднѣшія группы населенія — какъ крестьяне, фабричные рабочіе, сектанты разныхъ толковъ — или весьма недостаточно, или вовсе не были-бы представлены лицами ихъ собственной среды, знающими всю подноготную ихъ быта и обстоятельствъ.

Мы не хотимъ сказать, что въ Общей Коммиссіи, составленной такимъ образомъ, не оказалось-бы вовсе искреннихъ, свѣдущихъ и способныхъ защитниковъ интересовъ этихъ классовъ. Напротивъ, мы увѣрены, что такіе люди нашлись-бы какъ среди выбранныхъ земствами и городами лицъ, такъ и среди назначенныхъ правительствомъ. Но не будучи правильно выбраны населеніемъ, лица эти представляли-бы только самихъ себя: какъ-бы ни были ихъ факты вѣски, ихъ доводы остроумны, ихъ требованія демократичны, — самымъ довѣрчивымъ людямъ представлялось-бы пол-

ное основаніе заподозрить соотвѣтствіе всего этого — живой дѣйствительности; а, съ другой стороны, голоса ихъ не имѣли-бы авторитетности голосовъ, за которыми стоятъ тысячи избирателей.

Что представляли-бы собою другіе элементы коммиссіи? — Ужь конечно не населеніе и не науку. Рядомъ съ представителями прогресса, разрозненными личнымъ характеромъ ихъ взглядовъ и отсутствіемъ партійной программы, засѣдали-бы элементы, объединенные силою положенія, привычекъ или чувствомъ самосохраненія. «Истинные слуги правительства» дѣйствовали-бы по командѣ свыше. Чувство самосохраненія бюрократіи, частнаго землевладѣнія и промышленнаго капитализма съ его вѣчными воплями о государственномъ покровительствѣ — также, несомнѣнно, были-бы представлены очень сильно.

Итакъ, мы видимъ, что въ проектѣ Лорисъ-Меликова не только принципъ неограниченности самодержавія былъ положенъ въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ, но даже всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобы на практикѣ дѣйствительныя желанія и стремленія правительства не были нарушены какимъ нибудь непредвидѣннымъ способомъ. Безусловные поклонники графа скажутъ намъ, что его нельзя въ этомъ винить, что онъ сдѣлалъ, что могъ, бо́льшаго-же, при всемъ желаніи, не могъ добиться отъ Александра II. Мы и не думаемъ его винить. Мы только отмѣчаемъ двѣ вещи, которыя и просимъ читателя запомнить потверже: 1) что проектъ Лорисъ-Меликова вовсе не давалъ того, чего отъ него ожидали, пока его не знали и 2) что при всемъ своемъ желаніи и искреннихъ усиліяхъ (которыя мы охотно допускаемъ) онъ — посредствомъ усвоенной имъ тактики — не могъ добиться отъ царя даже хотя-бы правильно устроеннаго совѣщательнаго собранія представителей, скажемъ — отъ уѣздныхъ земствъ — которое было-бы поставлено въ положеніе теперешняго Государственнаго Совѣта и открыто для публики и прессы.

IV.

НАМЪ могутъ замѣтить, что дѣйствительный интересъ и драгоцѣнное значеніе Лорисъ-Меликовскихъ попытокъ реорганизаціи Россіи заключаются не въ размѣрѣ тѣхъ якобы-уступокъ, которыхъ ему удалось добиться отъ царя и его приспѣшниковъ, а въ томъ началѣ уступкамъ вообще, которое онъ положилъ; — въ томъ пути, который онъ усвоилъ. При правильной-де тактикѣ, при вѣрности намѣченнаго пути — если первыя завоеванія отъ бюрократическаго абсолютизма и были неудачны, или ничтожны — все это было легко поправимо, ибо тѣ-же самыя средства обезпечили-бы новыя и новыя завоеванія. Будь Александръ II живъ, говорятъ иные, онъ принужденъ былъ-бы, подъ давленіемъ обстоятельствъ и при искусномъ лавированіи Лорисъ-Меликова, сдѣлать и такія уступки, о которыхъ онъ въ началѣ не хотѣлъ и слышать. Къ несчастью-де «Народная Воля», устранивъ Александра II съ поля дѣйствія, прервала въ самомъ началѣ осуществленіе Лорисъ-Меликовскихъ плановъ и ея побѣда была пораженіемъ Россіи.

Въ этой предположенной нами цѣпи возраженій дѣйствительное до такой степени тѣсно спутано съ кажущимся, что даже иной самый горячій приверженецъ революціи приметъ ее цѣликомъ (хотя можетъ быть не признается въ этомъ). А между тѣмъ она представляетъ одно сплошное недоразумѣніе.

Совершенно вѣрно, что самымъ главнымъ во всемъ Лорисъ-Меликовскомъ эпизодѣ была та тактика, которую онъ себѣ усвоилъ. Совершенно вѣрно, что если-бы она была правильна, если-бы графъ опирался на какую нибудь дѣйствительную силу, то онъ могъ-бы постепенно вывести событія на прогрессивный, даже мирно-революціонный путь, не смотря ни на какія упирательства царя. При наличности подобнаго условія, можетъ быть и лучше было-бы, если-бы «Народная Воля» не нанесла своего послѣдняго удара, а нѣкоторое время сохраняла выжидательное положеніе: тогда силы ея были-бы сохранены, а подъ угрозою этихъ силъ Лорисъ-Меликову удалось-бы вырвать у Александра II такія уступки, которыя дали-бы неподготовленному

русскому обществу нѣкоторое политическое развитіе. Но совершенно невѣрно, что если все это не случилось именно такимъ образомъ, то въ этомъ виновата «Народная Воля» и ея тактика. Какъ разъ наоборотъ. Только благодаря своей тактикѣ она стала дѣйствительной политической силой и если Лорисъ-Меликовъ, представитель иной тактики, не понялъ значенія и роли этой силы, то это не ея вина. Это всецѣло вина ложной политики вице-императора. Эта политика — а не «Народная Воля» — погубила и Александра II, какъ разновидность Фридриха-Вильгельма IV* in potentio, и свои собственные планы. Не побѣда «Народной Воли» была пораженіемъ Россіи, а усвоеніе несчастной тактики тою либеральной средой, которую представлялъ Лорисъ-Меликовъ, было ея заранѣе обусловленнымъ пораженіемъ.

Насколько все это неподлежащая сомнѣнію истина, видно уже изъ того простого факта, что собственно смерть Александра II не только не измѣнила ничего къ худшему въ надеждахъ, разсчетахъ и планахъ Лориса, но едва-ли не укрѣпила еще его въ его позиціи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ анализа событій, слѣдовавшихъ непосредственно за 1-мъ Марта 1881 г. (изъ которыхъ иныя впервые стали извѣстны лишь изъ опубликованной нами анонимной брошюры) ясно, какъ день, что такъ называемое «желательное вступленіе русскаго правительства на путь довѣрія къ обществу» было отодвинуто смертью Александра II всего счетомъ на четыре дня: по приказанію Александра II манифестъ (или «оповѣщеніе», какъ онъ названъ Лорисъ-Меликовымъ) о созваніи коммиссій по государственнымъ вопросамъ долженъ былъ быть прочтенъ (до напечатанія) въ комитетѣ министровъ 4-го марта 1881 г. По случаю же смерти императора докладъ Лорисъ-Меликова новому царю былъ сдѣланъ 6-го числа и, съ его надписью на поляхъ: «онъ составленъ весьма хорошо», внесенъ въ комитетъ министровъ 8-го числа, гдѣ и принятъ большинствомъ 8 голосовъ противъ 5. Въ тотъ-же день новый царь говорилъ брату «съ плечъ точно гора свалилась!» — Такимъ образомъ ясно, что черезъ недѣлю послѣ смерти Александра II вопросъ «о вступленіи русскаго правительства на путъ довѣрія къ обществу» былъ даже ближе къ благополучному разрѣшенію, чѣмъ въ день самой смерти: остава-

* Мы разумѣемъ короля прусскаго, принужденнаго въ 1848 г. дать конституцію.

лось только выпустить въ свѣтъ печатный манифестъ. Почему-же онъ не былъ выпущенъ? Ужъ конечно не потому, что Исполнительный Комитетъ убилъ Александра II. Возникла какая-то новая къ тому причина и драгоцѣнный отрывокъ изъ письма Александра III къ его брату Владиміру, теперь впервые увидѣвшій свѣтъ, даетъ намъ нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса. «Министры», читаемъ мы въ немъ, «все обѣщаютъ мнѣ своими мѣрами замѣнить манифестъ, но такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ шатаніе умовъ продолжается и многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ К. П. Побѣдоносцеву»... Вотъ какъ «ларчикъ просто открывался»! Комично, безъ сомнѣнія, до трогательности положеніе монарха, который готовъ былъ выпустить либеральный манифестъ Лорисъ-Меликова, и написалъ на его докладѣ «онъ составленъ весьма хорошо» (стр. 41), но такъ какъ никто такого манифеста для него не изготовилъ, то онъ съ одинаковой охоткой выпускаетъ ретроградный манифестъ Побѣдоносцева, тѣмъ болѣе, что и этотъ «составленъ весьма хорошо» (стр. 34). Но вѣдь какъ ни водевиленъ этотъ фактъ — онъ представлялъ собою ту самую дѣйствительность, на которую Лорисъ-Меликовъ и историческіе дѣятели его калибра смотрятъ какъ на единственную осязательную возможность подвинуть Россію на шагъ впередъ. Чего-же они глядѣли? Ужъ тамъ — было «шатаніе умовъ», или не было, — одно ясно, а именно, что если-бы министръ внутреннихъ дѣлъ совершилъ «рѣшительныя дѣйствія», т. е. изготовилъ-бы необходимый документъ, подалъ его къ подписи и опубликовалъ немедленно вслѣдъ за засѣданіемъ кабинета министровъ отъ 8-го марта, то дѣло было бы рѣшено буквально въ тѣмъ самомъ смыслѣ, въ какомъ ожидалось его рѣшеніе Александромъ II послѣ парада 1-го Марта. Вмѣсто того вице-императоръ медлилъ съ 8 марта по 27 апрѣля, т. е. мѣсяцъ и 19 дней! Зачѣмъ-же онъ медлилъ?

Съ нашей точки зрѣнія промедленіе это не имѣетъ никакого значенія, ибо мы признаемъ самую основу тактики Лорисъ-Меликова ложною. Онъ всѣ свои разсчеты наивно построилъ на доброй волѣ монарха съ одной стороны и на собственной ловкости съ другой. Онъ подрѣзалъ ту самую веревку, которая встянула его наверхъ и потому — не сдѣлай онъ своей роковой оплошности

Библиотека Института Ленина 411447

въ теченіи этихъ 50 дней, онъ все равно упалъ-бы со своей высоты, — упалъ-бы неизбѣжно и со всѣми своими планами. Но съ точки зрѣнія тѣхъ, кто вѣритъ въ возможность, не имѣя за собой никакой дѣйствительной силы, заставить русскій бюрократическій абсолютизмъ отказаться отъ его ржавой неподвижности, — съ ихъ точки зрѣнія бывшій вице-императоръ совершилъ въ эти 50 дней смертный грѣхъ. Онъ и самъ никогда не могъ себѣ простить этого грѣха (что́, кстати сказать, показываетъ, что самъ онъ принадлежалъ къ только что упомянутому наивному типу политиковъ).

Вся штука (представьте!) заключалась въ томъ, что Лорисъ-Меликовъ вполнѣ увѣровалъ въ свою побѣду. Когда министры возвращались изъ Гатчины послѣ совѣщанія 8-го марта, Абаза и Милютинъ случились въ одномъ купэ съ графомъ. Разговоръ, весьма естественно, вертѣлся на событіи дня и одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ Лорису, что хорошо было-бы ему поѣхать къ в. к. Владиміру и поблагодарить его за оказанную имъ поддержку. Лорисъ ухватился за эту мысль и на слѣдующее утро былъ принятъ в. княземъ. Когда первый министръ сталъ благодарить князя, тотъ остановилъ его восклицаніемъ: «Какая благодарность! Это намъ, намъ, Михаилъ Таріэловичъ, надо васъ благодарить!» и затѣмъ разсказалъ ему, какъ доволенъ и оживленъ былъ Александръ III послѣ принятаго рѣшенія: какъ онъ, разстегнувъ сюртукъ и расправляя грудь, сказалъ свою знаменитую фразу о томъ что гора свалилась съ его плечъ, какъ онъ оставилъ брата къ завтраку и даже предложилъ ему прогулку верхомъ, хотя, вообще говоря, не любитъ верховой ѣзды и т. д., и т. д.

Вотъ эти-то паточные разсказы и убѣдили графа въ побѣдѣ до того, что онъ поддался искушенію «отдохнуть»: здоровье его, вообще, было плохое, а въ это время ему спеціально не здоровилось. Вотъ онъ отдыхалъ-отдыхалъ, да занимался въ Петербургѣ дѣлами, а тѣмъ временемъ г-нъ Побѣдоносцевъ и К° обрабатывали Митрофана I-го въ Гатчинѣ, пока наконецъ, 27-го апрѣля не собрался комитетъ министровъ, созванный Лорисъ-Меликовымъ для обсужденія будущей программы дѣйствій министерства. Набоковъ, въ то время министръ юстиціи, запоздалъ. Когда наконецъ онъ появился и ему замѣтили, что безъ него ничего нельзя было дѣлать, то онъ отвѣтилъ, что теперь и программы дѣйствій никакой уже не

нужно; вотъ посмотрите-молъ, что печатается въ государственной канцеляріи — и показалъ корректуру Побѣдоносцевскаго манифэста.

Такъ кончилось второе дѣйствіе того наивнаго tour de force, которое было разыграно Лорисъ-Меликовымъ на грани двухъ послѣднихъ царствованій.

Мы называемъ всю попытку Лорисъ-Меликова, какъ онъ велъ ее, начавъ еще при Александрѣ II, наивною, потому что вся она была основана «на песцѣ». Эта наивность принесла уже много вреда Россіи и принесетъ еще больше, если наши лучшія либеральныя силы не поймутъ той простой истины, что никогда имъ ничего не получить отъ коронованныхъ Митрофановъ даже самымъ нѣжнымъ съ ними обращеніемъ, если рядомъ съ этими силами не будетъ стоять бука въ видѣ революціонныхъ элементовъ. Чтобы полнѣе иллюстрировать это на эпизодѣ Лорисъ-Меликова, намъ надо опять обратиться къ фактическому матерьялу «Конституціи гр. Лорисъ-Меликова».

V.

ОДНУ изъ поучительнѣйшихъ частей изданной нами брошюры составляютъ докладныя записки Б. Чичерина, профессора А. Градовскаго и маркиза Велепольскаго о государственномъ переустройствѣ Россіи. Всѣ эти произведенія, невыключая и плана Лорисъ-Меликова, суть ни что иное, какъ старательныя, иногда замѣчательно остроумныя попытки насыпать воробью соли на хвостъ. Каждый изъ этихъ интересныхъ, даже очень интересныхъ людей несомнѣнно желаетъ — болѣе или менѣе, въ той или иной формѣ — ограниченія теперешняго централизованнаго произвола, именуемаго бюрократическимъ абсолютизмомъ, Но абсолютизмъ, естественно, не желаетъ наложить на себя руки Какъ-же съ нимъ быть? Конечно, можно-бы его заставить уступить. Но этой методы авторы докладныхъ записокъ или боятся

или не вѣрятъ въ ея дѣйствительность. Они поэтому возлагаютъ свои надежды на »обожаемаго монарха» и при томъ — не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Одни искренно думаютъ, что расширеніе свободы и самодѣятельности вполнѣ совмѣстимо съ «тѣми основами самодержавія, сохраненіе которыхъ въ цѣлости Александръ II считалъ (или, прибавимъ, иной потентатъ въ его положеніи можетъ счесть) долгомъ своей чести» (стр. 20); нужно-де, поэтому, только такъ или иначе подвинуть монарха подъ какимъ-бы то нибыло предлогомъ на первый шагъ, а тамъ-де ему и самому понравится. Другіе не обольщаютъ себя съ той стороны, но зато думаютъ, что достаточно поставить русскій царизмъ на наклонную плоскость признанія за населеніемъ хотя малѣйшаго права «свое сужденіе имѣть» въ государственныхъ дѣлахъ, — достаточно добыть хотя не совершенную форму чего-то похожаго на представительство, нѣсколько и временно ослабить гнетъ произвола — а тамъ ужь «историческая необходимость» сдѣлаетъ свое дѣло, т. е. приведетъ въ концѣ концовъ къ ограниченію царско-чиновничьей власти. И вотъ каждый изъ этихъ наивныхъ, но далеко не лишенныхъ умѣнья людей старается «легонько» перевести «обожаемаго монарха» черезъ завѣтную черту такъ, чтобы онъ этого нисколько не замѣтилъ.

Маркизъ Велепольскій, добиваясь автономіи Польши, ни разу не произноситъ ея имени, но увѣряетъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ русскаго трона, самодержавія и всероссійскаго избавленія отъ гидры революціи. Эта гидра распростералась не по всей Россіи, говоритъ онъ; нѣкоторыя части остались здоровыми; между тѣмъ современная русская «централизація содѣйствуетъ заразѣ, перенося ея зародыши въ свободныя отъ нея провинціи. Общества, еще не задѣтыя или тронутыя въ меньшей мѣрѣ, чувствуя себя политически приниженными, не въ силахъ противуставить достаточнаго сопротивленія революціоннымъ теоріямъ господствующей національности. Такимъ образомъ, представляются одновременно двѣ необходимости: Надо во первыхъ остановить распространеніе этой болѣзни путемъ децентрализаціи, даруя провинціямъ самоуправленіе» (стр. 26). Необходимо, съ другой стороны, «frappez vite et fort» тамъ гдѣ гидра уже сильна, т. е. искоренить революцію репрессаліями до лаго террора включительно (стр. 27).

Проф. Градовскій тоже обращается къ царю во имя самодержавія и взываетъ къ его патріотизму: «знаю», говоритъ онъ, «что имя царя, изъ-за котораго подымется масса, непосредственно затѣмъ сдѣлается предлогомъ для раздѣла имуществъ, предвижу и убѣжденъ, что исходомъ этого движенія будетъ не возвращеніе къ вѣрѣ предковъ, а варварство, разложеніе государственнаго тѣла и, быть можетъ, нашествіе иноплеменниковъ, всегда готовыхъ воспользоваться легкой добычей» (стр. 30). Чтобы избѣжать этихъ бѣдствій, нужно «изучить причины смуты» и положеніе правительства «со свободою и откровенностію, недоступными печати въ теперешнемъ ея положеніи», отрекшись, какъ отъ репрессій, такъ и отъ «системы частичнаго улучшенія». Очевидно — хотя профессоръ и не говоритъ этого прямо — что онъ желаетъ во первыхъ, свободы печати и отмѣны административной ссылки и иныхъ репрессій, а во вторыхъ, созванія, въ той или иной формѣ, представителей населенія подъ предлогомъ «изученія причинъ смуты».

Б. Чичеринъ ведетъ свою игру едва-ли не остроумнѣе всѣхъ. «Настоящее представительство» онъ признаетъ опаснымъ, а подчиненное совѣщательное подобіе его отсовываетъ на послѣдній планъ. На первый-же выдвигаетъ образованіе однороднаго министерства. Ни представительства, ни расширенія личной или общественной свободы, ни ограниченія власти монарха не нужно, говоритъ онъ. Наоборотъ, «Противъ организованной революціи должна стоять крѣпкая правительственная власть; организаціи можно противопоставить только организацію. Именно ея-то и нѣтъ въ нынѣшнемъ государственномъ управленіи. Въ немъ нѣтъ ни единства руководящей мысли, ни единства дѣйствія» (стр. 22). Для достиженія такого единства нужно однородное министерство, состоящее «изъ людей одинаковыхъ убѣжденій и стремленій, или по крайней мѣрѣ согласившихся въ основаніяхъ внутренней политики»; «государю нужно имѣть передъ собою не отдѣльныя мнѣнія министровъ, а заключеніе всего своего правительства». Только потому, что образованіе подобнаго министерства невозможно безъ нѣкотораго сближенія съ обществомъ, упоминаетъ онъ объ усиленіи государственнаго совѣта выборными лицами, или о вызовѣ экспертовъ отъ земствъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Чичеринъ благоразумно умалчиваетъ о томъ, что образованіе однороднаго

министерства невозможно безъ предоставленія первому министру самостоятельно выбирать своихъ товарищей и отстаивать свою политику, подъ угрозою отставки, противъ посягательствъ самого монарха. Другими словами, самодержавіе имѣло при этомъ отказаться отъ части своихъ прерогативъ въ пользу министерства. Предполагая-же, какъ это дѣлаетъ Чичеринъ, что министерство состояло-бы изъ людей убѣжденныхъ, взявшихся провести извѣстную программу, отвѣтственныхъ за нее не только предъ монархомъ, но и предъ общественнымъ мнѣніемъ, предъ исторіей, — не трудно видѣть, что такое министерство должно было-бы неизбѣжно стремиться къ охранѣ своей самостоятельности на счетъ неограниченности монарха; а имѣя въ своихъ рукахъ административную машину, даже могло-бы сдѣлать многое практически въ этомъ направленіи. Вся штука заключалась лишь въ томъ, чтобы убѣдить монарха подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ создать подобное министерство.

Тактика Лорисъ-Меликова не отличалась отъ тактики другихъ только что упомянутыхъ представителей русскаго либерализма извѣстнаго типа. Изъ записокъ Кошелева мы знаемъ, что графъ, собственно, желалъ созванія Земской Думы; но такъ какъ на таковое не могло послѣдовать «соизволенія государя», то онъ удовлетворился мѣрой, которая, по его мнѣнію, могла привести къ Думѣ современемъ. Изъ писемъ графа, наказовъ его ревизующимъ сенаторамъ, насколько они намъ извѣстны, и изъ комментарій къ нимъ анонимнаго автора разбираемой брошюры мы можемъ заключить, что Лорисъ-Меликовъ желалъ расширить свободу печати и устнаго слова, такъ чтобы напримѣръ, гласное порицаніе дѣйствій членовъ царской фамиліи не считалось оскорбленіемъ величества, а независимость мнѣнія — государственной измѣной (стр. 13). Повидимому онъ желалъ также обуздать, если не совершенно отмѣнить административную ссылку (стр. 15) и вообще ограничить произволъ администраціи, предоставивъ суду и земству болѣе независимости, причемъ подумывалъ объ улучшеніи системы земскихъ и городскихъ выборовъ (стр. 16-17). Крестьянскій вопросъ имѣлъ занять очень видное мѣсто въ ряду реформъ, предположенныхъ первымъ министромъ: «замѣчаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадокъ народнаго благосостоянія и нравственности», и его причины, различіе въ положеніи бывшихъ

помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, «причины накопленія недоимокъ, положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертной надѣлъ, средства, какими можно облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе земли въ полную собственность, способы къ облегченію и урегулированію переселеній», размежеваніе, чиншевики, волненія крестьянъ, ихъ толки о «черномъ передѣлѣ» и «слушномъ часѣ», — таковы были рубрики этого отдѣла въ сенаторской инструкціи. Есть основанія думать, что министръ имѣлъ въ виду выработать законы, опредѣляющіе возрастъ фабричныхъ и продолжительность рабочаго дня (и ночи) и пересмотрѣть съ либеральной точки зрѣнія законы о евреяхъ (стр. 17-18).

При подобной программѣ (предполагая, конечно, что Лорисъ-Меликовъ относился къ ней серіозно) онъ долженъ былъ заранѣе предвидѣть самую упорную и многочисленную оппозицію — активную и пассивную. Въ ней были-бы и тѣ помѣщики, которые до сихъ поръ вопіютъ противъ лишенія ихъ «рабочихъ рукъ» путемъ переселеній, и фабриканты, жалующіеся на «демагоговъ» — фабричныхъ инспекторовъ, и тѣ изъ рабочихъ, которыхъ ихъ хозяева пострашали-бы уменьшеніемъ платы изъ-за улучшенія фабрикъ и казармъ, или сокращенія рабочаго дня, и все высшее провинціальное чиновничество, привыкшее командовать земствомъ, и добрая доля всего сонма петербургскихъ канцелярій, и дворъ, и юдофобы, а прежде всего — самъ царь.

На что-же, спрашивается, разсчитывалъ Лорисъ-Меликовъ при проведеніи своей программы? На кого, или на что предполагалъ онъ опереться? — Да на то-же, на что и другіе, уже цитированные нами либералы этого типа. Конечно, онъ имѣлъ-бы значительную поддержку со стороны большинства нашего образованнаго и полуобразованнаго общества, включая и наше дворянство, которое у насъ демократичнѣе, чѣмъ гдѣ либо (кромѣ развѣ Японіи) Но главные его разсчеты были, конечно, на царя, — того самаго царя, который самъ былъ найбольшимъ мертвымъ жерновомъ на шеѣ предположенной реформы! Его именемъ диктаторъ надѣялся побороть всѣ оппозиціи, его благоволеніемъ оживить всѣ робкіе ростки русской жизни. Частью диктаторъ намѣренъ былъ его обойти, а частью надѣялся на его благородство.

Трудно представить себѣ что нибудь болѣе наивное, чѣмъ эти надежды. Надѣлите Александра II въ вашемъ воображеніи какими

угодно общечеловѣческими добродѣлелями, все-таки онъ останется субъектомъ, котораго понятія, а главное — физическія и психическія привычки были отлиты въ совершенно особенную, неестественную, исковерканную форму его спеціальнымъ положеніемъ и воспитаніемъ. Онъ считалъ долгомъ своей чести сохранить «основы самодержавія» (стр. 20). Онъ чувствовалъ инстинктивное (а можетъ быть и сознательное) непреодолимое отвращеніе къ независимой мысли, независимому характеру, независимой дѣятельности. Нравственная стойкость людей, не поддававшихся его давленію, раздражала его, а всякое притязаніе его «подданныхъ» на такія гражданскія и политическія права, какихъ онъ самъ еще не призналъ за ними, онъ систематически подавлялъ, даже когда они были основаны на законѣ. Онъ терпѣть не могъ Чернышевскаго, отличая и выдѣляя его изъ всѣхъ другихъ «политическихъ» подъ именемъ «государственнаго» преступника и придавая этому термину какую-то особую зловредность и важность. Каждый разъ, какъ П. А. Шувалова, извѣстнаго шефа жандармовъ (прозваннаго за его всемогущество Петромъ IV-мъ) спрашивали, почему не облегчается участь Чернышевскаго, онъ отвѣчалъ, что о Ч—мъ невозможно заикнуться царю. Также нелюбилъ Александръ II и М. Е. Салтыкова, хотя въ меньшей степени. Въ началѣ своего царствованія онъ относился къ великому сатирику — въ то время еще только автору «Губернскихъ Очерковъ» — съ интересомъ и уваженіемъ, но въ концѣ — съ нетерпимостью и, подписывая его послѣднюю отставку, замѣтилъ: «туда и дорога!» Въ 1881 году Лорисъ-Меликовъ подалъ ему всеподданнѣйшій докладъ по имперіи за предшествовавшій годъ и, между прочимъ, распространился о прессѣ. Весь отчетъ былъ написанъ въ розовомъ духѣ, для доказательства, что примирительная и либеральная политика правительства даетъ благіе результаты, спеціально-же относительно прессы проведена параллель каръ, какимъ была подвергнута журналистика въ 1880 и предидущіе годы, и сдѣланъ выводъ, что она вела себя «хорошо». Противъ этого мѣста царь написалъ на поляхъ: «а 'Порядокъ' ты забылъ?!» — Онъ не выносилъ «Порядка» за его убѣжденный тонъ и неуступчивость, хотя мирился съ хамелеонскимъ «Голосомъ», не смотря на болѣе рѣзкія выходки, которыя послѣдній себѣ иногда позволялъ.

Въ нашемъ распоряженіи есть впрочемъ фактъ гораздо болѣе

крупный и имѣющій болѣе близкое отношеніе къ спеціальной задачѣ, поставленной себѣ Лорисъ-Меликовымъ. Въ 1865 году дворянство Московской губерніи подало Александру II адресъ о «созваніи общаго собранія людей земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Александръ отвѣтилъ на это рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ заявилъ, что, «ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій и брать на себя починъ въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ Верховной Власти». Другими словами — онъ ограничилъ старыя «дворянскія вольности», какъ только они оказались годными на пользу всего народа, а не на одно выпрашиваніе привиллегій, или заявленіе холопьихъ чувствъ. Прибавимъ къ этому наклонность Александра II, такъ ядовито подчеркнутую Чичеринымъ въ его докладной запискѣ — «ввѣрять исполненіе политической мысли именно тѣмъ лицамъ, которыя ея не раздѣляютъ» (стр. 22). Извѣстно, что подобную «политику» Александръ II всегда считалъ чрезвычайно тонкой и дальновидной и ставилъ ее себѣ въ заслугу. Результаты ея мы видимъ во всѣхъ его реформахъ; но въ особенности въ крестьянской. Вспомнимъ назначеніе Панина и исторію происхожденія четвертнаго надѣла. Вспомнимъ также о томъ, какъ предсѣлательство въ земскихъ собраніяхъ было ввѣрено предводителямъ дворянства и какъ ихъ власть (а также власть губернаторовъ) по отношенію къ преніямъ все расширялась!

Кромѣ всего прочаго, Александръ II, какъ и всякій неограниченный властитель (даже самый мягкій), имѣлъ припадки упрямства и своеволія. Припадки эти не вытекали непосредственно ни изъ его «долга чести», ни изъ его враждебности ко всякому проявленію самостоятельности и независимости, однако могли каждую минуту стать поперекъ дороги планамъ графа. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы находимъ въ нашей брошюрѣ (стр. 14). Лорисъ-Меликовъ, какъ говоритъ нашъ авторъ, настаивалъ на сохраненіи жизни стрѣлявшаго въ него Млодецкаго. Это былъ съ его стороны очень разумный и необходимый политическій шагъ, ибо дешевымъ образомъ укрѣпилъ-бы его популярность, въ противномъ-же случаѣ значительно расшатывалъ ее. Однако «никакія настаиванья графа не помогли, и государь, недавно сложившій свои полномочія въ его руки, думалъ показать примѣръ твердости, на-

стаивая на немедленной казни виновнаго».* Эти «примѣры твердости», безъ сомнѣнія, повторялись-бы не разъ, по самымъ различнымъ поводамъ и касались-бы самыхъ различныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ ближайшихъ къ царю лицъ спали и видѣли, какъ-бы его напоить и во время кутежей напугать или иначе заставить вернуться къ реакціи.

И вотъ частью на доброй волѣ, частью на недальновидности этого человѣка, замѣтимъ кстати — вовсе не глупаго и образованнаго, Лорисъ-Меликовъ построилъ свои планы пріобрѣтенія для Россіи нѣкоторой свободы и народовластія.

Мы не считали-бы предпринятаго Лорисъ-Меликовымъ «обрабатыванія» монарха ребячествомъ, если-бы онъ, играя на слабостяхъ этого монарха и пользуясь случайно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ (союзничествомъ княгини Юрьевской), опирался

---

* То, что до сихъ поръ извѣстно русской публикѣ объ этомъ эпизодѣ, не совсѣмъ совпадаетъ съ показаніями графа, передаваемыми нашимъ авторомъ и относящимися уже къ періоду опалы. Извѣстно, что покойный Всев. Гаршинъ имѣлъ аудіенцію у Л-Меликова тотчасъ послѣ выстрѣла Млодецкаго. Гаршинъ убѣждалъ графа пощадить жизнь стрелявшаго, но—безъ успѣха, при чемъ получилось такое впечатлѣніе, будто самъ графъ не желалъ пощады. Одно изъ двухъ, стало быть: или графъ былъ искрененъ въ то время, а когда попалъ въ отставку, ему стало казаться, что онъ былъ противъ казни Млодецкаго; или онъ не былъ искрененъ и рыцарски заслонялъ собою Александра II въ дѣлѣ, въ которомъ былъ къ нему въ оппозиціи. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ разительную иллюстрацію того, до какой степени сильно различіе между взглядами и поведеніемъ министра въ немилости и того-же министра у дѣлъ и видимъ, какъ ошибочно было-бы заключать о поведеніи его въ періодъ власти по тому, что онъ говоритъ и какъ себя держитъ въ опальное время. Во второмъ случаѣ подтверждается наше мнѣніе о томъ, что Лорисъ-Меликовъ не видѣлъ никакой иной для себя опоры, кромѣ доброй воли государя и вмѣсто того, чтобы искать ее въ популярности среди лучшихъ элементовъ народа, третировалъ общество и его представителей какъ нѣчто по меньшей мѣрѣ чуждое, постороннее государственнымъ дѣламъ (т. е. дѣйствовалъ на основаніи абсолютистскаго принципа), себя-же отождествлялъ съ главою государства, когда послѣдній дурилъ, и тѣмъ подкапывалъ довѣріе къ себѣ общества. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ подтвержденіе политической близорукости, или государственнаго несовершеннолѣтія Лорисъ-Меликова.

на что-нибудь болѣе существенное, что́ могло-бы выручить въ случаѣ, когда тактика «обрабатыванія» оказалась-бы съ прорѣхами. Въ общемъ ходѣ событій, на своемъ мѣстѣ и въ не преувеличенныхъ предѣлахъ, тактика эта могла-бы дать свои результаты, могла-бы имѣть успѣхъ. Мы отдаемъ справедливость покойному графу въ томъ, что первая его рѣшительная попытка обойти «обожаемаго монарха» ему удалась. Ознакомившись съ планомъ своего «диктатора», Александръ II воскликнулъ: «Да вѣдь это états généraux!» Какъ ни смѣшно съ нашей точки зрѣнія примѣненіе этого термина къ жалкой совѣщательной, смѣшанной Общей Коммиссіи, оно вовсе не было нелѣпо съ точки зрѣнія ни царя, ни Лорисъ-Меликова, ибо послѣдній именно къ тому и стремился, чтобы Общая Коммиссія съиграла въ русской жизни роль своего рода états généraux, только не въ революціонномъ, а въ реформаціонномъ смыслѣ. Но такъ какъ проникновеніе царя въ планы Лорисъ-Меликова были равносильны пробужденію въ немъ его царскаго упрямства, то нужно было локализировать вниманіе царя на одномъ немедленномъ фактѣ, отбросивъ до времени совершенно всѣ свои дальнѣйшія надежды. И вотъ мы видимъ, что «послѣ болѣе зрѣлаго обсужденія государь не увидѣлъ причинъ медлить долѣе съ обнародованьемъ акта, который не сокращая нисколько его единодержавія, оставляя за нимъ полноту государственнаго суверенитета, только обезпечивалъ ему возможность совѣта и содѣйствія со стороны выдающихся мѣстныхъ дѣятелей» (стр. 21).

Не трудно, однако, видѣть, что успѣхъ перваго министра въ этомъ случаѣ былъ временный и случайный; онъ основанъ былъ на увѣренности монарха, что далѣе дѣло, дѣйствительно, не пойдетъ; можетъ быть просто на его расположеніи духа. Лишь только' однако, эти «совѣтъ и содѣйствіе» приняли-бы формы, свойственныя взрослымъ людямъ и непріятныя для привычекъ автократизма, бюрократизма, или для интересовъ тѣхъ, кто имѣлъ доступъ къ царскому уху, монархъ тотчасъ-же заартачился-бы и явилъ-бы опять одинъ изъ «примѣровъ твердости». И это не разъ, не два, а каждый разъ, какъ извѣстная государственная форма, хотя-бы и недостаточная, грозила-бы привести къ цѣнной сущности.

Что-же въ такомъ случаѣ оставалось-бы дѣлать «диктатору»? Очевидно, или онъ долженъ былъ отказаться отъ обузданія «фа-

воритизма и интриги» путемъ «публичности и гласности», путемъ «неминуемой ближайшей отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ», — отказаться отъ допущенія членовъ общества «къ обсужденію насущнѣйшихъ интересовъ націи» (безъ чего, по его мнѣнію, интересы эти всегда приносятся въ жертву), — отъ уваженія къ суду, къ земству, отъ довѣрія къ обществу (стр. 13); — или-же ему нужно было имѣть въ запасѣ какую нибудь дѣйствительную силу посредствомъ которой онъ могъ-бы всегда поставить предъ монархомъ альтернативу: либо принять совѣтъ перваго министра, либо считаться съ этой силой, что́ было-бы опасно.

Этой силы ни Лорисъ-Меликовъ, ни тѣ либералы, которые обращались къ правительству съ совѣтами, не видѣли и не понимали, хотя она была у нихъ подъ самымъ носомъ. Это была роковая съ ихъ стороны ошибка, погубившая всѣ ихъ планы, а съ ними и то зерно добра, которое они заключали въ себѣ для всей Россіи.

Силою, о которой мы говоримъ, была Русская Революціонная Партія. Только благодаря дѣятельности этой партіи, представлявшей въ тотъ моментъ, собственно, горсть героическихъ личностей, поставившихъ своей временной практической задачей — положить конецъ безнаказанности произвола, — даже нашъ царизмъ, испоконовѣка покрытый непроницаемой ни для какихъ внѣшнихъ впечатленій носорожьей кожей византійства, вооруженнаго всѣми рессурсами полиціи Наполеона III съ одной стороны и прусской солдатчины съ другой, — даже этотъ царизмъ почувствовалъ невозможность итти по прежнему пути. 4 августа 1878 г. правительство обращается за помощью къ обществу; 20 ноября Александръ II произноситъ въ Москвѣ рѣчь о необходимости «содѣйствія (правительству) чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь». Эти правительственныя заявленія, развязали руки земствамъ, думамъ и инымъ сколько нибудь совершеннолѣтнимъ политически элементамъ населенія, чтобы потребовать установленія законности и политическаго самоуправленія. На призывъ правительства нѣкоторыя земства, какъ напримѣръ, Харьковское съ г. Гордѣенкомъ во главѣ и Полтавское — отвѣчали готовностью помочь правительству въ его борьбѣ съ «крамолой»,

но подъ условіемъ, чтобы земство было обращено въ настоящее народное представительство. Искренно было это обѣщаніе помощи, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ земства эти взяли исходною точкой своихъ заявленій дѣятельность русской революціонной партіи и именно во времена терроризма. На ней они обосновали свои требованія, безъ нея самыя заявленія ихъ немыслимы. Видя невозможность бороться противъ этой партіи одними собственными силами и получая уклончивые отвѣты со стороны вѣрноподданныхъ, царь, наконецъ, образуетъ Верховную Коммиссію и вручаетъ Лорисъ-Меликову «либеральную диктатуру». Въ докладѣ, поданномъ Александру III 6 марта 1881 года, диктаторъ мотивируетъ всѣ свои реформы необходимостью «возвращенія государственной жизни къ правильному и законному ея теченію, нарушенному безпрерывно повторявшимся въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ покушеніями дерзкихъ злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Россіи».

И вотъ эту-то первоначальную и дѣйствительную причину поворота во внутренней политикѣ, этотъ стимулъ правительственной рѣшимости замѣнить беззаконіе законностію покрайней мѣрѣ настолько, чтобы сдѣлать острую борьбу (съ оружіемъ въ рукахъ) именно противъ этого зла ненужною — и Лорисъ-Меликовъ, и сочинители докладныхъ записокъ, и даже нѣкоторыя земства совершенно игнорируютъ, какъ силу, на которую опирается ихъ собственный успѣхъ (поскольку онъ успѣхъ всей Россіи). Мало того — многіе изъ нихъ требуютъ извѣстныхъ гарантій личности и права самоуправленія, какъ вознагражденія за свое пособничество правительству душить ту самую силу, безъ существованія которой оно никогда-бы къ нимъ не обратилось и съ подавленіемъ которой тотчасъ отъ нихъ отвернулось!

Мы пишемъ не для того, чтобы питать раздраженіе, не для безплодныхъ упрековъ, а исключительно для того, чтобы выяснить прошлыя ошибки, дабы онѣ не повторялись въ будущемъ. Мы отнюдь не намѣрены ставить Лорисъ-Меликову или кому-бы то ни было на счетъ того, что они говорили съ «государемъ императоромъ» на единственномъ понятномъ для него языкѣ. Мы признаемъ также, что въ ряду мѣръ, могущихъ привести Россію къ желательному политическому и соціальному переустройству, стремленіе заставить «государя императора» сдѣлать первые къ

тому шаги «по собственной иниціативѣ», имѣютъ свое законное мѣсто. Пусть тѣ, которые могутъ этого добиться, — добиваются и, въ случаѣ успѣха, мы поставимъ это имъ въ заслугу. Но пусть они не забываютъ, что это лишь одна изъ формъ необходимой политической дѣятельности, одно изъ звеньевъ въ ряду событій, представляющихъ данное движеніе, но никакъ не сила, двигающая его. Горе имъ, если они возложатъ серіозныя и притомъ всѣ свои надежды на благородство представителя абсолютизма, или на его наивность и станутъ разсматривать людей, или партіи болѣе ихъ рѣшительныя, какъ помѣху возможному прогрессу, ибо-де они пугаютъ склоннаго къ реформамъ монарха! Тогда ихъ дѣло погибло, ибо они рубятъ тотъ сукъ, который держитъ ихъ между небомъ и землей. Они не понимаютъ историческаго закона, наблюдаемаго при извѣстныхъ обстоятельствахъ у всѣхъ историческихъ народовъ и во всѣ времена, а именно: что для практическаго успѣха партій, представляющихъ собою минимальныя для даннаго времени требованія политическаго прогресса, необходимо существованіе рядомъ съ ними партіи воинствующей и болѣе требовательной, которая принуждала-бы старый режимъ дѣлать уступки новому.

VI.

НЕ нынче-завтра Ирландія получитъ собственный парламентъ, созданный для нея усиліями Парнеля и его сподвижниковъ путемъ парламентской борьбы, устной и печатной агитаціи. Но ирландскимъ парламентаристамъ никогда-бы не добиться удовлетворенія, если-бы за ними не стояли феніи, ведшіе борьбу съ оружіемъ въ рукахъ и Поземельная Лига, добившаяся разрѣшенія аграрнаго вопроса. Видя, что безъ существенныхъ уступокъ желаніямъ ирландской націи страна не можетъ быть умиротворена, англійское либеральное правительство рѣшилось отодвинуть на задній планъ аграрный вопросъ, предоставивъ его рѣшеніе самимъ ирландцамъ, но для этого дать имъ политическое самоуправленіе.

Говоря о воинствующей партіи мы не разумѣемъ непремѣнно

употребленіе динамита, кинжала, или политическаго, либо соціальнаго террора. Терроръ, какъ и агитація, какъ уличное возстаніе, какъ пропаганда, какъ подача петицій (по нашему, по отечественному — «прошеній» и «ходатайствъ») — есть лишь одно изъ многихъ средствъ борьбы. Средства-же мѣняются сообразно обстоятельствамъ и надобностямъ времени, мѣняются съ перемѣною тактики. Создатель Ирландской Поземельной Лиги, Майкль Дэвиттъ, отбывшій 7 лѣтъ на каторгѣ за доставку феніямъ оружія и затѣмъ еще 2 года (съ 1881 г.) за аграрную дѣятельность, былъ, какъ извѣстно, выбранъ въ парламентъ, и дѣйствуетъ теперь одинакими средствами съ другими парламентаристами; и это не потому, чтобы его воззрѣнія на основные вопросы политики и экономіи измѣнились — онъ совершенно такой-же демократъ и приверженецъ націонализаціи земли, готовый биться за свои принципы съ оружіемъ въ рукахъ, какъ и прежде — а потому, что новое положеніе дѣлъ, созданное прежними средствами, не нуждается болѣе въ употребленіе оружія, но требуетъ новыхъ средствъ.

Вся ирландская націоналистская (парламентская) партія открещивалась отъ солидарности съ феніями; многіе изъ членовъ ея чувствовали вполнѣ искренній ужасъ передъ феніанскимъ образомъ дѣйствій; не мало ихъ проникнуто было не меньшимъ отвращеніемъ къ принципу націонализаціи земли, или къ демократизаціи производства, чѣмъ худшіе изъ англійскихъ лэндлордовъ и фабрикантовъ. Но при всемъ томъ никогда націоналисты, какъ партія не вызывались помогать англійскому правительству душить фоніевъ. Напротивъ, они не уставали протестовать противъ ихъ душенія и принудительной системы управленія (coërtion) вообще, непрестанно повторяли, что всякая репрессія безполезна пока Ирландія находится въ извѣстномъ положеніи. Такимъ образомъ, расходясь съ воинствовавшей партіей принципіально, ирландскіе націоналисты практически и фактичсски всегда шли съ нею рука объ руку и поддерживали ее. Почему? — Потому что они понимали, что первый этапъ ихъ дороги есть общій, совмѣстный — политическая сомостоятельность и самодѣятельность, homerule —, и что воинствующая партія представляетъ тотъ вѣчно живой и дѣйствительный аргументъ, безъ котораго никто не станетъ слушать рѣчей самихъ націоналистовъ.

Г. г. Лорисъ-Меликовы, Градовскіе, Кошелевы, Гордѣенки находились въ концѣ прошлаго царствованія относительно русской соціально-революціонной партіи какъ разъ въ подобномъ положеніи, представляя собою эквивалентъ, конечно наименѣе рѣшительныхъ ирландскихъ націоналистовъ. Къ несчастью они не поняли своего положенія. Русскіе революціонеры того времени не могли и не предполагали брать на себя непосредственное воздѣйствіе на царя съ цѣлью побудить его сдѣлать какой нибудь шагъ для «легальнаго» политическаго реформированія Россіи. Они потому-то и явились на сцену, что извѣрились въ реформаторскихъ стремленіяхъ царя, къ чему имѣли полное основаніе, какъ показали изслѣдованія честныхъ ученыхъ и либераловъ въ родѣ Янсона и А. Головачова. Это была совсѣмъ не ихъ задача. Это была задача людей, которые по темпераменту, по складу своей мысли, по положенію и по привычкамъ не могли стать въ ряды революціонеровъ, какъ этотъ терминъ понимается въ Россіи. Взявъ ее на себя, они должны были относиться къ ней серіозно, т. е. защищать свое дѣло противъ несчастныхъ случайностей и рисковать для него; — рисковать, какъ рисковалъ Парнель, обвинявшійся въ сношеніяхъ съ феніями, и какъ Диллонъ и Уильямъ О'Брайнъ, сидѣвшіе за свои публичныя рѣчи въ тюрьмѣ. Громко заявляя о своей несолидарности съ методами борьбы революціонеровъ-террористовъ, они должны были однако фактически противиться уничтоженію этой революціонной фракціи и вступать съ нею въ компромиссы для проведенія полезныхъ обѣимъ сторонамъ мѣръ. Вотъ почему мы не можемъ не отмѣтить здѣсь съ чувствомъ уваженіе адресъ черниговскаго земства въ отвѣтъ на призывъ Александра II къ борьбѣ съ терроризмомъ, которое заявило, что «карательныя, репрессивныя мѣры безсильны остановить» субверсивныя идеи и прямо отказывалось «принять какія либо мѣры къ борьбѣ» противъ революціи; не можемъ не помянуть добромъ и г. А. Градовскаго, который въ своей цитированной выше докладной запискѣ при всемъ его комичномъ и трусливомъ вилянiи, сказалъ однако вполнѣ ясно, что «правительству предстоитъ не выборъ между двумя указанными выше системами (системой репрессій — съ одной стороны и системой частичнаго улучшенія нашего общественнаго блага — съ другой), а полное и безповоротное отреченіе отъ нихъ». Но конечно

ни г. Градовскому, ни инымъ упомянутымъ нами «реформаторамъ» никогда и въ голову не приходило, что русская революціонная партія была силою, которую надо было принимать въ разсчетъ при осуществленіи ихъ плановъ не только въ качествѣ козла отпущенія, но и въ качествѣ дѣйствительнаго, хотя и не признаннаго открыто союзника.

VII.

ОБРАЩАЯСЬ къ политикѣ Лорисъ-Меликова, мы видимъ, что тотъ-же упрекъ относится всецѣло и къ нему. Моментъ, въ который пришлось дѣйствовать графу, требовалъ отъ человѣка, державшаго государственный руль въ своихъ рукахъ, проникновенія идеей, что онъ отвѣтственъ за судьбы Россіи предъ исторіей. Лорисъ, повидимому, чувствовалъ себя отвѣтственнымъ предъ «своимъ государемъ», «предъ долгомъ службы и присяги», да предъ тѣмъ, что на языкѣ людей, немогущихъ подняться надъ идеями и практикой своей среды, называется «обстоятельствами». Онъ и не подозрѣвалъ, что долженъ былъ дѣйствовать на собственный страхъ, подобно Оливеру Кромвелю, Аврааму Линкольну, или князю Окубо-Сатцума, произведшему въ 1868 г. мирную революцію въ Японіи именемъ ничтожнаго пятнадцатилѣтняго Микадо. Онъ этого не понималъ и не только не думалъ опереться на положеніе дѣлъ, обусловленное существованіемъ революціонной партіи и организаціи, но какъ разъ наоборотъ. Между тѣмъ, даже съуживая задачу тогдашняго «диктатора» просто до успѣшнаго осуществленія своихъ первыхъ шаговъ, онъ долженъ былъ прежде всего задуматься надъ своими отношеніями къ этой партіи и постараться, чтобы въ нихъ было поменьше прорѣхъ.

Лорисъ-Меликовъ отлично зналъ энергію, рѣшимость и общія стремленія русской революціонной партіи — онѣ были у всѣхъ на виду. Онъ, слѣдовательно, имѣлъ всѣ основанія ожидать, что жизнь Александра II (въ полезность которой для даннаго момента

онъ вѣрилъ, а революціонеры не вѣрили) можетъ быть прервана каждый день. И не только «имѣлъ основаніе», но прямо ожидалъ и опасался этого. Онъ придавалъ большое значеніе казни Пръснякова. Когда собирались его казнить, Лорисъ и командующій войсками Костанда отправили въ Ливадію телеграмму, прося о «помилованіи»; когда-же Черевинъ и, въ особенности наслѣдникъ (нынѣ Александръ III) настояли на казни, Меликовъ говорилъ въ кругу близкихъ лицъ, что «этого не простятъ», т. е. революціонеры — царю. Что-же, спрашивается, онъ сдѣлалъ, чтобы сохранить эту нужную для его плановъ жизнь противъ террористическихъ покушеній? Онъ положился на свою полицію, какъ всякій иной русскій администраторъ, вмѣсто того чтобы, какъ государственный человѣкъ, принять такія мѣры, которыя привели-бы партію, отъ которой одной могла исходить опасность, къ мысли о необходимости временно пріостановить походъ собственно противъ личности Александра II.

Перебирая въ памяти время Лорисъ-Меликовскаго «диктаторства», мы постоянно натыкаемся на факты, словно нарочно разсчитанные на то, чтобы убить въ воинствующей партіи и даже внѣ ея всякое довѣріе къ тому, что перемиріе между оппозиціей и правительствомъ могло привести къ какому-бы то ни было дѣйствительному выигрышу. Мы знаемъ, напримѣръ, что диктаторъ облегчилъ фактически тиски, въ которыхъ находилась печать. Но когда ему самому понадобилось прибѣгнуть къ тѣмъ-же тискамъ для личныхъ цѣлей, онъ не постѣснился это сдѣлать и самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержалъ отъ своего лица ту самую административную практику, противъ которой позже въ 1886 г. писалъ: «Бѣдное отечество, настанетъ-ли когда либо пора, когда и русскому. . . дозволено будетъ гласно и свободно выражать свои мнѣнія и убѣжденія, давать свои оцѣнки». . . (стр. 2). Изъ книги Стэда * (большого поклонника императора Митрофана) мы знаемъ, что когда «Новое Время» напечатало нѣсколько статей противъ тогдашняго министра финансовъ адмирала Грейга, то хотя Грейгъ вслѣдъ за тѣмъ былъ уволенъ, но Лорисъ-Меликовъ далъ газетѣ предостереженіе, «чтобы очиститься отъ подозрѣнія, будто статьи были внушены имъ. Лорисъ-Меликову необходимо

* "Truth about Russia" книга iv, глава 5.

нужно было избавиться отъ Грейга и въ этомъ онъ былъ совершенно правъ. Но онъ не желалъ, чтобы говорили, будто онъ натравилъ «Новое Время» на своего коллегу; онъ и объявилъ второе предостереженіе». Поднимая посредствомъ сенаторскихъ ревизій, между прочимъ, вопросы о причинахъ обѣдненія крестьянъ, объ упроченіи независимости суда, гарантированіи личности гражданина противъ административнаго произвола—и нетолько поднимая, но, какъ онъ утверждалъ позднѣе, въ періодъ своей опалы, имѣя въ виду разрѣшить ихъ въ либеральномъ смыслѣ при участіи общественныхъ элементовъ, Лорисъ-Меликовъ нарочно созвалъ вліятельнѣйшихъ петербургскихъ редакторовъ, чтобы просить ихъ прекратить толки о «новой эрѣ», толки совершенно праздные, и поддерживавшіе въ обществѣ иллюзіи, ибо никакой «новой эры» не будетъ. Такимъ образомъ Лорисъ-Меликовъ въ сущности требовалъ какъ отъ русской воинствующей партіи, такъ и вообще отъ независимыхъ элементовъ русскаго общества, чтобы они отказались отъ всякой самодѣятельности, повѣривъ ему на слово, что онъ сдѣлаетъ, все что нужно, лучше ихъ. Другими словами, онъ требовалъ какъ разъ того, чего требуетъ каждый русскій императоръ. Съ другой стороны не забудемъ той статьи «Голоса» по адресу М. П. Драгоманова, имѣвшей всю видимость диктаторскаго оффиціоза, въ которой давалось обѣщаніе стереть русскихъ революціонеровъ съ лица земли, если они станутъ мѣшать «муравьиной работѣ» вице-императора.

Но можетъ быть все это была только видимость, — диверсія, устроенная исключительно для Александра II и входившая въ Лорисъ-Меликовскій планъ воздѣйствія на царя, на самомъ-же дѣлѣ графъ смотрѣлъ на русскую революціонную партію правильными глазами, а также озаботился о томъ, чтобы и она, и вообще оппозиціонные элементы были «поставлены въ извѣстность» относительно той широты плановъ и той рѣшимости Лорисъ-Меликова повести Россію по дѣйствительному пути обновленія, о которой говоритъ анонимная брошюра? Ему не трудно было-бы этого достигнуть, нисколько не компрометируя себя въ глазахъ царя. Среди того либеральнаго міра, въ которомъ Лорисъ искалъ поддержки и указаній, всегда были лица — профессора, адвокаты, литераторы, даже сенаторы, которые, не принадлежа къ революціонерамъ, даже подчасъ относясь отрицательно къ ихъ дѣятель-

ности, тѣмъ не менѣе пользовались въ рядахъ революціонеровъ довѣріемъ, какъ честные люди. Что-же, воспользовался вице-императоръ этимъ посредствующимъ звеномъ для того, чтобы устранить «недоразумѣніе», которое могло повести къ крушенію всѣхъ его плановъ?

Ничуть не бывало! Каковы-бы нибыли тайные и задушевные планы графа — революціонерамъ и даже всему русскому обществу предоставлено было руководиться въ своей политической тактикѣ тѣмъ, что было объявлено петербургскимъ редакторамъ и напечатано въ «Голосѣ». А главное — вице-императоръ, повидимому, и не чувствовалъ никакой надобности посвящать «опасные» или «заблудшіе» элементы общества въ свои тайны (если таковыя были). Онъ совершенно искренно держался того убѣжденія, что эти элементы — въ предстоявшей перестройкѣ — суть матерьялъ, но не дѣятельный факторъ и что въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ дѣятельности съ его планами они подлежатъ обузданію и уничтоженію. Можетъ быть и къ тому, и къ другому онъ прибѣгалъ не «съ удовольствіемъ», какъ заявилъ въ 1848 г. извѣстный прусскій полковникъ на вопросъ, будетъ-ли онъ стрѣлять въ народъ; мы охотно допускаемъ, что въ глазахъ Лорисъ-Меликова это была «печальная необходимость», вынужденная прежде всего упрямой слѣпотой монарха, не желавшаго итти по «новому пути» безъ репрессіи элементовъ, стремившихся повести Россію по такому пути помимо него и далѣе него. Но это ни на іоту не измѣняетъ существа дѣла. На лицо передъ нами, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что Лорисъ-Меликовъ прибѣгалъ къ репрессіи совершенно такъ-же, какъ и всѣ его предшественники, попадавшіе въ положеніе спасителя Россіи, не дѣлая ничего серіознаго для того, чтобы создать какой нибудь добрый эквиваленъ этому злу. Никто не увѣритъ насъ, что, при всемъ упрямствѣ Александра II въ дѣлѣ милосердія по отношенію къ осужденнымъ политическимъ, вице-императоръ не могъ-бы добиться отъ него амнистіи для «государственныхъ преступниковъ» до-террористическаго періода и прежде всѣхъ для Н. Г. Чернышевскаго. Облегченіе же участи каторжанъ и ссыльныхъ, а также участь находившихся подъ дознаніемъ и слѣдствіемъ прямо зависѣла отъ графа. Что-же онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи? Еще будучи харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ хотя и обошелся при-

лично съ университетомъ, думой и земствомъ, но шпіонство довелъ до небывалыхъ размѣровъ и сталъ высылать въ Сибирь административно совершенно мирныхъ людей, какъ Рипсимія Туманова, впослѣдствіи умершая въ Тункѣ, на границѣ Монголіи. Онъ первый началъ практиковать заключеніе въ тюрьму «административнымъ порядкомъ»: первою жертвою этого рода была нѣкто Попова въ Петербургѣ. Уже диктаторомъ, онъ послалъ на Кару такую инструкцію о томъ, какъ держать политическихъ каторжанъ, что начальникъ карійской каторги, полковникъ (нынѣ генералъ) Кононовичъ отказался примѣнять ее, а когда забайкальскій губернаторъ Ильяшевичъ приказалъ ему всетаки ее примѣнить — Кононовичъ вышелъ въ отставку Инструкція эта была прежде всего незаконна, такъ какъ она уничтожала для политическихъ каторжанъ перечисленіе ихъ въ «вольную команду» и людей, законнымъ образомъ, на основаніи устава о ссыльныхъ выпущенныхъ на вольныя квартиры, Кононовичъ долженъ былъ опять вернуть въ тюрьму! Слѣдствіемъ этого варварства были, между-прочимъ, самоубійства двухъ каторжанъ: одесскаго адвоката Семяновскаго и Ротина (отравившагося въ тюрьмѣ), за которыми послѣдовала смерть Успенскаго и вся адская жизнь нѣсколькихъ десятковъ людей, запертыхъ въ клѣткѣ, при нечеловѣческихъ условіяхъ существованія, безъ проблеска надежды на облегченіе въ будущемъ и шагъ за шагомъ шедшихъ къ сумашествію! Въ то же время въ Кіевѣ казнены Лозинскій и Рожанскій — люди очень молодые, почти мальчики — за совершенные пустяки. Конечно, не онъ непосредственно распоряжался въ Кіевѣ, — тамъ былъ особый, облеченный властью сатрапъ. Но вѣдь Лорисъ-Меликовъ былъ предсѣдатель Верховной Коммиссіи, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ полномочія шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ: онъ могъ требовать отмѣны казни.

VIII.

НАМЪ остается сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Читатель понимаетъ, что если мы остановились на тѣхъ или иныхъ частныхъ промахахъ гр. Лорисъ-Меликова, то лишь потому, что они вытекаютъ изъ его основной ошибки и иллюстрируютъ ее: изъ непониманія дѣйствительнаго соотношенія между различными политическими силами въ Россіи. Вопросъ же о правильномъ пониманіи этого соотношенія важенъ для насъ потому, что онъ имѣетъ практическое значеніе.

«Русскій человѣкъ просыпается», «замѣчается общій подъемъ духа», — вотъ что слышится теперь отъ всѣхъ внимательныхъ наблюдателей и мыслящихъ участниковъ русской жизни. Свидѣтельства эти подтверждаются и тѣмъ, что можно замѣтить при чтеніи русскихъ газетъ и журналовъ. Это большое счастье. И тѣмъ бережнѣе слѣдуетъ отнестись къ этому факту, тѣмъ глубже вдуматься въ настоящее и прошлое, чтобы не повторить разъ сдѣланныхъ уже ошибокъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что просыпаются и ободряются одновременно самые разнообразные элементы: разнообразные какъ по характеру и размѣрамъ предъявляемыхъ требованій, такъ и по излюбленной ими тактикѣ, или темпераменту. Каждая изъ этихъ группъ будетъ, естественно, считать свой планъ дѣйствій найлучшимъ. Это иначе не можетъ и быть; даже не желательно, чтобы было иначе; ибо безъ твердой вѣры въ собственныя начинанія невозможенъ никакой успѣхъ. Но одно дѣло искренно вѣрить въ собственные цѣли и способы дѣйствія, какъ прямо и немедленно достигающіе намѣченныхъ ближайшихъ результатовъ, и иное дѣло — считать всѣ другія теченія, также направленныя, или покрайней мѣрѣ разсчитанныя на освобожденіе отъ гнетущаго насъ безправія и нищеты, вредными этому самому освобожденію. Мы же, по нашей полной политической неопытности, къ несчастью, черезчуръ склонны къ этой ошибкѣ. Грѣхъ этотъ въ былыя времена существовалъ взаимно съ обѣихъ сторонъ: какъ со стороны элементовъ умѣренныхъ, «либеральныхъ», облекаю-

щихъ свой домогательства лучшаго будущаго въ возможно «законныя» формы, такъ и со стороны элементовъ крайнихъ, «революціонныхъ», относящихся къ царскому правительству съ презрѣніемъ и ненавистью, дѣлающими для нихъ компромиссы съ послѣднимъ невозможными. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, утекло и притекло не мало воды; обѣ стороны имѣли достаточно горькаго опыта, который заставилъ каждую изъ сторонъ потерять значительную долю одушевлявшихъ ее надеждъ и отложить въ сторону строившуюся на нихъ часть плановъ. Тринадцать лѣтъ прошло со времени знаменитаго засѣданія Таврическаго губернскаго земскаго собранія (24 апрѣля 1886 г.), на которомъ В. К. Винбергъ указалъ, «какъ на причины, способствующія развитію зла, на отсутствіе свободы слова, малоземеліе крестьянъ и тягость лежащихъ на нихъ повинностей, а главное — на отсутствіе органа, правильно выражающаго народную нужду. . . Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей», говорилъ ораторъ, «въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. . . Будемъ-же достойны нашего призванія», заключилъ онъ, «и выразимъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ, точно и ясно, о выслушаніи голоса народа въ лицѣ его избранниковъ». На это гласный Н. В. Щербань заявилъ, что вполнѣ согласенъ съ необходимостью политической свободы, представительства, демократической политики въ экономическихъ вопросахъ и вообще съ требованіями г. Винберга. «Скажу г.г. откровенно», замѣтилъ онъ между прочимъ, «я искренно и глубоко убѣжденъ въ ихъ пользѣ; полагаю, и не я одинъ; а всѣ члены нашего собранія, вмѣстѣ со всѣми спокойно-разсудительными людьми». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, г. Щербань думалъ, что неумѣстно оказывать «адресное давленіе, когда правительство занято ориентированіемъ въ борьбѣ съ подпольною крамолою, когда глава его удрученъ сыновнею скорбію, въ милліонъ разъ тягчейшею нашей скорби». По мнѣнію оратора, это было-бы «политически и всячески безтактно». Онъ находилъ несвоевременнымъ и неумѣстнымъ «забѣгать впередъ, какъ-бы подгонять правительство, тѣмъ болѣе, что кредитъ (общества правительству) предвидится недолгосрочный; въ газетахъ было напечатано, и опроверженія не послѣдовало, что покойный государь, за нѣсколько дней до своей

мученической кончины, уже готовилъ проектъ призыва представителей земства, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, представителей по особому законоположенію для обсужденія вопроса объ участіи общества въ предметахъ государственнаго правленія. Смѣемъ-ли мы имѣть сомнѣніе, тѣнь сомнѣнія — о судьбѣ этого завѣта въ рукахъ преемника преобразователя Россіи?» Всего одинъ гласный (г. Гофманъ) изъ 26 присутствовавшихъ былъ противъ какого-бы то нибыло заявленія земства по общегосударственному вопросу. Всѣ остальные, въ принципѣ, были за. Но изъ нихъ 15 согласились съ г. Щербанемъ и большинствомъ 16 голосовъ противъ 10 рѣшено было воздержаться отъ «адреснаго давленія», предоставивъ все дѣло доброй волѣ правительства въ томъ разсчетѣ, что и здравый смыслъ, и человѣческое чувство, и простое приличіе дѣлали для «преемника преобразователя Россіи» немыслимымъ иной шагъ, какъ выполненіе «завѣта» Александра II. Этого рода отношеніе къ предмету не составляло специфической черты одного Таврическаго земства. «Не наше дѣло (!) касаться вопроса, какъ достигнуть того, чтобъ эти избранные явились дѣйствительными выразителями народной мысли: это — задача государственная», читаемъ мы въ запискѣ 22 гласныхъ, внесенной въ очередное Харьковское губернское земское собраніе 1881 г. Тотъ-же мотивъ слышится и въ другихъ заявленіяхъ правительству о необходимости политической свободы и народоправства.

Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать лѣтъ и мы въ правѣ теперь спросить г. Щербаня и его единомышленниковъ, оправдали-ли послѣдствія ихъ «политическій и всяческій тактъ» и ихъ вѣру въ добрую волю Александра III и его правительства, не понуждаемую никакимъ давленіемъ извнѣ? Чѣмъ отплатилъ имъ новый монархъ, воцарившійся при очень трудныхъ обстоятельствахъ и немало обязанный своимъ укрѣпленіемъ на тронѣ ихъ искренней, самоотверженной и не только полной лойяльности, но, скажемъ прямо, — лойяльности, перешедшей границы охраненія священныхъ правъ человѣка и гражданина? Онъ наложилъ руку на то самое земство, въ качествѣ членовъ котораго они дѣлали свои заявленія; онъ не только не счелъ для себя обязательнымъ «завѣтъ» отца, но самая память о послѣднемъ, какъ о «реформаторѣ», попала при сынѣ въ опалу; онъ уничтожилъ мировой судъ, искалѣчилъ судъ общій, распустилъ своихъ опричниковъ

по всей русской землѣ, отдавъ на ихъ полную волю выматывать послѣднія силы изъ мужика, травить штундиста, рабочаго-еврея, держать подъ пятой русскую мысль и калѣчить подростающія поколѣнія! Когда рѣчь идетъ о реакціонныхъ судорогахъ царствованія Александра II-го, то принято ссылаться на дѣятельность революціонеровъ, какъ на вызывавшую реакцію. Но къ царствованію Александра III это хромое объясненіе, перекладывающее бѣду съ больной головы на здоровую, совершенно не примѣнимо. Послѣ рѣшенія 8 Марта, благодаря которому теперешній императоръ чувствовалъ себя «точно гора съ его плечъ свалилась», не произошло рѣшительно ничего такого, что, по вышеупомянутой теоріи, должно было вызвать реакціонную перемѣну въ политикѣ царскаго правительства. Александръ III благополучно короновался и затѣмъ въ теченіи всѣхъ десяти послѣдующихъ лѣтъ Россія, говоря словами Шевченка,

. . . . «мовчить,
Бо 'благоденствує'. . . .»

Даже тотъ (совершенно впрочемъ ничтожный съ государственной точки зрѣнія) эпизодъ, который, по словамъ «Конституціи гр. Лорисъ-Меликова», послужилъ базисомъ для операцій г.г. Побѣдоносцева и К°. — «Муромцевская» студенческая исторія — не можетъ считаться нарушившимъ это молчаніе, ибо, если въ 1881 г. были студенты, отказавшіеся возложить вѣнокъ на гробъ Александра II, то позже были другіе, дравшіеся между собою на улицѣ за честь цаловать руки Александра III.

Не говоримъ уже о томъ, что если даже «Муромцевскую» студенческую исторію, или какую нибудь диверсію со стороны революціонеровъ признать за причину реакціи, обрушившейся на земщину, то это было-бы равносильно признанію того (совершенно, впрочемъ, вѣрнаго) факта, что царь и его правительство не придаютъ вѣрноподданничеству русскаго дворянства и земщины никакого значенія и относятся къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Простой здравый смыслъ говоритъ, что если одни элементы населенія заявляютъ себя враждебными власти, а другіе въ это-же время — приверженными ей и враждебными ея врагамъ, то прямой разсчетъ власти привязать къ себѣ своихъ сторонниковъ внимательностію къ ихъ желаніямъ и просьбамъ. Если-же, вмѣсто того, ихъ дерутъ въ три кнута за грѣхи тѣхъ

самыхъ людей, противъ которыхъ они вызываются защищать престолъ, то очевидно, что въ глазахъ власти цѣна этой приверженности — ломаный грошъ. Вѣрнѣе, дескать, держать въ уздѣ и чужихъ, и своихъ: свои останутся своими, что съ ними не продѣлывай; а если обидятся — не велика потеря.

Опытъ послѣдняго и предпослѣдняго царствованій долженъ былъ, наконецъ, научить чрезмѣрно довѣрчивыхъ людей той простой истинѣ, что никакая политическая власть никогда и ничего не уступала изъ своихъ «прерогативъ» иначе, какъ подъ какимъ нибудь давленіемъ извнѣ. Тѣмъ болѣе относится это къ нашему заскорузлому самодержавію. Хорошо было наше революціонное движеніе, или дурно, шло-ли оно по правильному пути, или нѣтъ, симпатично оно «умѣреннымъ» элементамъ «порядка», или не симпатично, — во всякомъ случаѣ на лицо тотъ фактъ, что пока революціонеры были въ силѣ, до тѣхъ только поръ царское правительство обращалось къ «умѣреннымъ» элементамъ и придавало цѣну ихъ «умѣренности»; подъ давленіемъ «повторявшихся въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ покушеній дерзкихъ злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Россіи» цѣна этой умѣренности поднялась къ 8 марта 1881 г. до того, что въ этотъ день самодержавіе рѣшается прямо опереться на «умѣренные» элементы. Но какъ только давленіе прекращается, абсолютизмъ самымъ неблагодарнымъ и подлымъ образомъ отворачивается отъ тѣхъ самыхъ людей, отъ которыхъ до тѣхъ поръ не видалъ ничего, кромѣ самой безусловной преданности и съ которыми еще вчера кокетничалъ, такъ какъ былъ въ опасности.

Опытъ послѣднихъ двухъ царствованій несомнѣнно отразился и на тѣхъ элементахъ, которые у насъ принято называть революціонными. Идеалы ихъ остались тѣ же, но путь, которымъ придется дойти до идеаловъ, подвергся значительному искусу, въ теченіи котораго, точно рано распустившійся весенній цвѣтъ во время наступившихъ затѣмъ холодовъ, много юношескихъ иллюзій облетѣло. Объ этомъ нечего жалѣть, ибо разочарованіе не коснулось ни идеаловъ, ни вѣры въ конечное торжество справедливости и счастья; горечь же погибшихъ надеждъ и страшныя жертвы, которыхъ стоилъ опытъ, выкупаются тѣмъ, что когда опали розовые туманы, сталъ яснѣе видѣнъ путь. Въ былыя времена мы

искренно вѣровали, что всякій несчастный есть вмѣстѣ съ тѣмъ и недовольный, что сегодняшній недовольный есть завтрашній бунтовщикъ и что каждый бунтовщикъ есть революціонеръ. Съ тѣхъ поръ мы убѣдились, что долгое и систематическое угнетеніе, что вѣчная нищета, если въ нихъ нѣтъ замѣтныхъ перерывовъ, лишаютъ обездоленныхъ всякаго сколько нибудь отчетливаго представленія о возможности лучшей доли и воспитываютъ въ нихъ тупую неподвижность и покорность судьбѣ. Мы поняли также, что отъ пассивнаго недовольства до активнаго бунта цѣлая пропасть. Помимо того, что бунтовщику нуженъ темпераментъ, какого у недовольнаго можетъ и не быть, бунтовщикъ есть недовольный, уже направившій свое недовольство или противъ извѣстныхъ учрежденій, или хотя противъ лицъ, представляющихъ въ его глазахъ извѣстные порядки, или, лучше сказать, непорядки. Другими словами, недовольный, даже и обладающій темпераментомъ, чтобы превратиться въ бунтовщика, долженъ пріобрѣсть какое-нибудь представленіе о причинной связи между своими бѣдами и извѣстными порядками. Представленіе это можетъ быть, однако, узко, частично, или прямо невѣрно и тогда бунтовщикъ можетъ бунтовать противъ собственнаго блага и собственныхъ друзей. Только борясь во имя болѣе или менѣе отчетливаго и притомъ прогрессивнаго идеала дѣлается онъ революціонеромъ.

Усвоивши все это, мы уже перестали вѣрить въ формулу «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» и бояться частичныхъ улучшеній, какъ «отдаляющихъ революцію». Напротивъ, мы замѣчаемъ, что, напримѣръ, тридцати лѣтъ жизни безъ помѣщичьяго кнута и барскаго ига, опредѣлявшаго всю жизнь мужика, до выбора ему жены включительно, было достаточно, чтобы безобразія земскихъ начальниковъ, которыя все-таки ничто, въ сравненіи съ помѣщичьими, стали, повидимому, теперешнимъ крестьянамъ менѣе переносны, чѣмъ помѣщичьи — ихъ отцамъ и дѣдамъ. Поэтому, ни на іоту не отказываясь отъ нашихъ идеаловъ, отъ убѣжденія, что лишь съ полной перестройкой политическихъ отношеній на самомъ широкомъ демократическомъ, а экономическихъ — на соціалистическомъ основаніи достигнется та полнота и широта народнаго счастья, которая заставитъ насъ сказать: «видѣста очи мои спасеніе твое»; заранѣе отказываясь оцѣнивать какой-бы то нибыло частичный успѣхъ выше того, чего онъ стоитъ,

мы вмѣстѣ съ тѣмъ не намѣрены отказываться отъ него потому только, что онъ частичный. Всякое, даже микроскопическое, даже временное расширеніе правъ, всякое фактическое «послабленіе» свободѣ дѣйствій есть прямой выигрышъ для дѣла освобожденія, ибо, помимо всего прочаго, даетъ большей или меньшей массѣ населенія тотъ опытъ, тѣ ощущенія, тѣ психическія привычки, которыхъ ей негдѣ пріобрѣсть помимо жизненной практики, которые дѣлаютъ изъ пассивнаго недовольнаго сознательнаго борца за опредѣленныя пріобрѣтенія, и, въ случаѣ новой реакціи, вѣчно и помимо воли человѣка, будутъ требовать удовлетворенія и толкать его къ новымъ и новымъ завоеваніямъ человѣческихъ правъ.

Это, однако, только одна сторона дѣла. Другая заключается въ томъ, что русскіе революціонеры имѣютъ свое прошлое, которое опредѣляетъ многое въ ихъ практикѣ въ настоящемъ. Они понесли такъ много драгоцѣнныхъ утратъ, отношенія къ нимъ русскаго самодержавія запечатлены такимъ вѣроломствомъ и звѣрствомъ, они столько перестрадали за русскій народъ, что имъ во многихъ случаяхъ невозможно было-бы войти въ компромиссъ съ этимъ самымъ царизмомъ, не насилуя своихъ лучшихъ чувствъ, своей совѣсти, а подчасъ даже своихъ принциповъ. Но люди, не принадлежащіе къ революціонной партіи, находятся въ иномъ положеніи. Въ ихъ душѣ не накопилось непреодолимой горечи. Они вѣрятъ въ то, что спасеніе Россіи можетъ притти лишь сверху и потому нерѣдко могутъ, не насилуя своей совѣсти, входить въ соглашенія съ властью тамъ, гдѣ мы бы затруднились. Признаемъ же за ними право дѣлать нѣчто, по нашему собственному убѣжденію полезное для страны, чего мы сами сдѣлать не можемъ. Признаемъ это прямо, безъ заднихъ мыслей, безъ подозрительности, раздраженія и сарказма. Не станемъ заподозривать ихъ серіозности и прямоты только потому, что они не согласны съ нами. Отбросимъ излишнюю чувствительность къ чужому порицанію: такая чувствительность есть лишь оборотная сторона недостатка самоуваженія и самоувѣренности. Вспомнимъ наконецъ, что если нѣкоторые всеподданнѣйшіе дворянскіе, думскіе или земскіе адресы и рѣчи страдали недостаткомъ чувства достоинства и отвѣтственности за то, что говорилось, то вѣдь были и иные эпизоды, полные достоинства и пониманія политическаго положенія данной минуты. 5-го марта 1881 г. предсѣдатель чрезвычайнаго

губернскаго земскаго собранія въ Самарѣ внесъ при самомъ его открытіи предложеніе о подачѣ всеподданнѣйшаго адреса съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти Александра II и поздравленіемъ новаго императора съ восшествіемъ на престолъ. Но гл. Ждановъ (онъ-же бузулукскій предводитель дворянства) на это возразилъ: «Мы въ теченіи этихъ послѣднихъ лѣтъ послали пять адресовъ, но всѣ они ни къ чему не послужили и ничего въ дѣйствительности не выражали, ибо все то, что было и есть у насъ на душѣ, оставалось и остается не высказаннымъ». Къ нему присоединились гласные Наумовъ и Нудатовъ, изъ которыхъ послѣдній, между прочимъ, заявилъ, что считаетъ себя нравственно отвѣтственнымъ и за тѣ адресы, подъ которымъ онъ прежде подписывался. «Развѣ мы», замѣтилъ онъ, «говорили что нибудь о тяжести налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, о подавленіи труда капиталомъ, объ отсутствіи гарантій личной неприкосновенности? — Нѣтъ! Ну, въ такомъ случаѣ, лучше ничего не говорить, а просто молчать». Подача адреса была отвергнута собраніемъ почти единогласно (кромѣ трехъ голосовъ).

По самую ступицу завязла русская государственная колымага въ трясинѣ самодержавія, придавивъ собою несчастный народъ. Всѣ русскія прогрессивныя фракціи пришли уже, кажется, къ убѣжденію, что первая задача, какая имъ предстоитъ, это — вытащить, или хоть приподнять колымагу, чтобы дать вздохнуть свободно надавленной груди, и что эту работу имъ придется сдѣлать сообща. Но этого мало. Онѣ должны проникнуться мыслью объ общности этой работы. Онѣ должны отбросить, какъ совершенно ложную и пагубную, привычку — заключать отъ взаимныхъ разногласій теоретическихъ — къ антагонизму практическому собственно въ борьбѣ противъ самодержавія. Каковы бы ни были разногласія въ идеалахъ, минимумѣ требованій, даже въ тактикѣ, — одинъ фактъ параллельнаго и одновременнаго существованія этихъ различныхъ фракцій, согласныхъ въ одномъ пунктѣ — ограниченіи самодержавія — есть залогъ успѣха въ борьбѣ. Этого ни одной изъ нихъ не слѣдуетъ забывать и этимъ соображеніемъ должны онѣ руководиться въ своей политикѣ. Антагонизмъ между нями неизбѣженъ по многимъ важнымъ теоретическимъ вопросамъ, но предъ лицомъ общаго врага — самодержавія — онъ долженъ уступать мѣсто общей ат-

такѣ на него. Различныя партіи не должны закрывать глазъ на слабости другъ друга, но они никогда не должны опираться на эти слабости — дѣйствительныя или предполагаемыя — чтобы на ихъ счетъ получить верхъ надъ самодержавіемъ: помимо всего другого, этотъ пріемъ всегда будетъ самоубійствомъ, какимъ онъ и оказался въ эпизодѣ Лорисъ-Меликова. Мы должны броеить во взаимныхъ отношеніяхъ и наѣзническій задоръ, и заученныя фразы взаимныхъ инкриминацій. Намъ придется научиться уважать чужую личность, хотя-бы мы относились отрицательно къ ея мнѣніямъ.

Если настоящая брошюра хотя малѣйшимъ образомъ будетъ способствовать установленію подобныхъ отношеній между партіями, авторъ ея сочтетъ себя счастливымъ.

P.S. — Читателя просятъ исправить недосмотръ въ срединѣ стр. 6-ой: въ числѣ общественныхъ конституціонныхъ заявленій, невызванныхъ запросомъ правительства, пропущены заявленія земствъ Казанскаго и Рязанскаго, а также Казанской Думы.

КОНЕЦЪ.

Отчетъ

ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

по 1-ое января 1894 г.

Перваго января 1894 г. закончилась двухлѣтняя съ лишкомъ дѣятельность Фонда со времени его основанія въ 1891 г. Такъ какъ и при самыхъ первыхъ шагахъ, и при развитіи этой дѣятельности коммитету Фонда приходилось пользоваться разнообразными услугами и содѣйствіемъ довольно большаго числа лицъ, то онъ считаетъ своимъ долгомъ дать всѣмъ товарищамъ и друзьямъ отчетъ какъ въ полученныхъ отъ нихъ на свою отвѣтственность средствамъ, такъ и въ достигнутыхъ результатахъ.

Первоначальной задачей Фонда ставилось: «Удовлетвореніе потребности русскаго общества и народа въ свободномъ печатномъ словѣ.» Задаваясь такою цѣлью, основатели отнюдь не ограничивали себя узко портіозными рамками, а, напротивъ, думали, что русская передовая мысль на столько впереди всей русской дѣйствительности, въ цѣломъ взятой, что всѣ ея оттѣнки, какъ-бы каждый изъ нихъ ни казался одностороненъ, могутъ въ настоящее время, въ борьбѣ со своеобразной системой плутократо-

бюрократическаго деспотизма въ Россіи, быть только полезны. Что-же касается до собственнаго profession de foi самихъ основателей, то они сочли за лучшее воздержаться отъ выраженія его въ общепринятой формѣ пространныхъ программъ нашихъ «политическихъ партій», отъ которыхъ желѣзная дѣйствительность обыкновенно заставляетъ дѣлать отступленія при первомъ-же критическомъ моментѣ. Практическое дѣло, къ которому, естественно, пристаютъ всѣ, кому оно нравится по его реальному, а не желательному только значенію въ жизни, — есть, по нашему мнѣнію, лучшая программа, на почвѣ которой только и можно организовать живыхъ людей дѣла, а не доктрины. Вотъ почему Фондъ не называетъ себя «политическою партіей», не призываетъ никого подписываться подъ свои 10 заповѣдей и положительно отказывается брать на себя роль революціоннаго цензора, рѣшающаго за русскаго читателя, изъ чего должна состоять его умственная діета. Уваженіе къ свободѣ человѣческой личности для насъ выше всего.

Но мало и этого. Какъ ни прекрасна чистая идея свободы и справедливости, ея выраженіе въ формѣ свободнаго печатнаго слова останется въ Россіи гласомъ вопіющаго въ пустынѣ до тѣхъ поръ, пока она будетъ падать въ русскую дѣйствительность, какъ капля хрустально чистой воды въ цѣлое море грязной мути: или эту каплю необходимо превратить въ широкій потокъ, или наше дѣло нужно считать мертворожденнымъ и не отвѣчающимъ требованію времени. Количеству въ этомъ случаѣ приходится придавать такое-же значеніе, какъ и качеству. И это тѣмъ болѣе, что обращеніе «запрещенной» литературы среди русскихъ обывателей полезно не только пропорціонально достоинству ея политическаго содержанія, но и само по себѣ, просто какъ поводъ къ нарушенію полицейскаго запрета, тираническаго и унизительнаго для человѣческаго достоинства личности. Чѣмъ чаще и настойчивѣе совершается такое нарушеніе, тѣмъ скорѣе запретъ превратится въ мертвую букву. Всю Россію нельзя ни арестовать, ни сослать. А мужду тѣмъ только практика подобныхъ ежедневныхъ нарушеній превращаетъ забитыхъ обывателей въ свободныхъ гражданъ.

И такъ, что-же сдѣлано для осуществленія этой задачи? Пророками и вообще-то быть не легко, а изъ-за границы — и подавно; а потому, при основаніи Фонда имѣлось въ виду прежде всего взять на себя роль исполнителей, чернорабочихъ: пусть, молъ, намъ скажутъ изъ Россіи, что тамъ въ данную минуту въ смыслѣ печатнаго слова требуется, а мы уже постараемся удовлетворить эту потребность, т. е. напечатаемъ, издадимъ и доставимъ, а если окажется необходимымъ и возможнымъ, то и напишемъ.

Однакожъ, на практикѣ ближайшая задача нѣсколько видоизмѣнилась, — реальная дѣйствительность и тутъ оказалась лучшей наставницей. Голоса изъ Россіи были такъ неясны, противорѣчивы и разбросаны, что Фонду пришлось дѣйствовать по собственной иниціативѣ, и прежде всего заняться имѣющейся уже, нецензурной литературой, т. е. привести въ извѣстность ея наличность, составивъ болѣе или менѣе обстоятельный каталогъ всего того, что каждый русскій обыватель, безъ различія чина, званія, сословія и своихъ политическихъ воззрѣній можетъ получить за деньги, если того пожелаетъ; а затѣмъ, и для настоящаго, и для будущаго времени организовать широкое и правильное распространеніе нецензурныхъ изданій вообще, сначала за границей, а потомъ и въ Россіи.

Въ виду этого были завязаны сношенія со всѣми издателями или владѣльцами изданій нецензурныхъ произведеній и заключены съ ними, насколько это оказалось возможнымъ, постоянныя и правильныя условія. Для распространенія-же книгъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта была раскинута сѣть агентовъ (числомъ около 150, изъ которыхъ 72 приняли на себя этотъ трудъ ради коммиссіоннаго вознагражденія, а 85 — изъ сочувствія цѣлямъ Фонда), въ Лондонѣ-же и Парижѣ, а потомъ и въ Нью-Іоркѣ были основаны книжные склады Фонда Вольной Русской Прессы. Рядомъ съ этимъ было предпринято изданіе ряда брошюръ фонда, а также изданіе каталога запрещенныхъ книгъ. При этомъ, въ основаніе всего дѣла было положено точное и правильное счетоводство и отчетность до послѣдней копѣйки.

Денежный отчетъ по 1-ое января 1893 г.

ПРИХОДЪ	£	s.	d.	РАСХОДЪ	£	s.	d.
Пожертвовано деньг.	93	8	3	Уплачено за книги -	40	12	11
Отъ продажи книгъ -	104	0	9	За печатаніе 4 брош.	36	19	2
По подпискѣ на изданіе «Подпольной Россіи» - - - -	15	0	0	„ типографію - - -	30	0	0
				„ содержаніе типогр.	3	19	2
Взято заимообразно -	29	19	4	„ содерж. 2 складовъ (Лонд. и Париж.)	56	4	4
				Расх. почтов., путев. и мелочн. - - -	47	2	7
				Авторскій гонораръ -	16	5	0
Всего	£242	8	2	Всего	231	3	2
				На лицо	11	5	2
					£242	8	4

Финансовое положеніе Фонда къ 1-му января 1893 г.

ДОЛГЪ	£	s.	d.	КРЕДИТЪ	£	s.	d
По счетамъ за книги и по своимъ изданіям.	106	8	10	На лицо книгъ на сумму - - - - -	181	8	3
Подписка на «Подпольную Россію»	15	0	0	По счет. съ агентами	73	12	0
Заимообразно взято -	29	19	4	Типографія - - - -	30	0	0
				Наличныя деньги - -	11	5	2
Всего	£151	8	2	Всего	£296	5	5
				Чистый капиталъ -	144	17	3
					£151	8	2

Капитальный отчетъ.

Пожертв. деньгами	93	8	3	Чистый капиталъ къ 1-му января 1893 г.	144	17	3
„ книгами -	39	19	9				
	£133	8	0				
Чистая прибыль - -	11	9	3				
	£144	17	3	Всего	£144	17	3

N.B.—Одинъ фунтъ стерл. (1£) составляетъ на русскія деньги около 10 руб. или 25,02 фр. на французскія. Шиллингъ (1s.)—50 коп. или 1,25 фр. Пенни (1 — 4 1/6 коп. или 10 сант.

Денежный отчетъ за 1893 г.

ПРИХОДЪ	£	s.	d.	РАСХОДЪ	£	s.	d.
Балансъ прошлаго г.	11	5	2	Покупка книгъ - -	152	13	9
Пожертвов. деньгами	313	2	10	Наборъ, печат. и пр.	242	5	4
Съ продажи книгъ -	200	1	0	Содержаніе складовъ	65	1	7
Занято - - - - -	49	7	9	Почт. расх. и мелочн.	59	7	6
				Авторскій гонораръ -	20	0	0
				Покупка шрифта и типограф. принадлеж.	20	15	1
				Недочетъ - - - -	5	13	0
				На лицо - - - - -	5	4	2
И того	£573	16	9	И того	£573	16	9

Финансовое положеніе Фонда 1-го января 1894 г.

ДОЛГЪ	£	s.	d.	КРЕДИТЪ	£	s.	d.
Долги по изданіямъ и за книги - - - -	122	13	2	На лице книгъ: *			
Занято за все время -	79	7	1	— своихъ изданій	302	13	9
				— чужихъ изданій	718	19	3
				По счетамъ агентовъ	309	3	8
				По счетамъ наборщ.	13	11	10
				Стоимость типографіи и друг. вещей	51	6	6
				На лицо - - - - -	5	4	2
Всего	£202	0	3	Всего	£1,400	19	2
				Чистый капиталъ	1,198	18	10
					£202	0	3

Капитальный отчетъ.

	£	s.	d.		£	s.	d.
Пожертвов. деньгами	406	11	1	Чистый капиталъ къ			
,, книгами -	538	2	0	1-му январ. 1894 г.	1,198	18	10
Всего	£944	13	1	Всего	£1,198	18	10
				Чистая прибыль -	254	5	9
					£944	13	1

*) Оцѣнка книгъ склада сдѣлана со скидкой 50 % съ продажной цѣны.

Пожертвованія въ Фондъ В. Р. П. до 1-го января 1893 г. деньгами:

Черезъ Ф. Волховскаго: Отъ г. Петрова £3 19 4, £1 19 8, £7 16s.; отъ одной дамы £10, £5; отъ x y z £1, £1 1s. Всего £30 16s.—Черезъ В. Войнича (Келчевскаго): Отъ une amie russe £1 12 8; отъ Бѣлорусса £3 19 4; отъ Приволжскаго кружка £3 19 4 и £11 4s.; отъ Петербуржца 16s.; отъ русскаго студента 8s. 2d.; отъ Украинца 10s.; отъ № 33 18s.; отъ общаго знакомаго 3½d. Всего £23 9 9½.—Черезъ Н. Чайковскаго: Отъ сочувствующаго £14 14s. Черезъ Каялова: 7s. 10d. Черезъ Шишко: изъ Петербурга £7 18 8. Черезъ покойную г-жу Тургеневу 4s. 5d. —Получено непосредственно кассой Фонда: По листку № 14 £1 12s.; по листку № 1 6s. 1d.; по листку № 18 изъ Галиціи 1s. 8d.; по листку изъ Вѣны £1 6 5; по листку изъ Бельгіи 11s. 2d.; изъ Азіи 10s. 1½d.; отъ N.N. 15s. 11d.; отъ читателя 2s.; отъ N.N. 1s.; отъ армянина и наборщика 1s. 8d. Всего получено непосредственно £5 4s. ½d.—Черезъ Л. Гольденберга въ Нью Іоркѣ: Отъ Русско-Американской Лиги £3 9 10 и £1 4 7; отъ Федорова 6s.; отъ Собсовича 6s., отъ другихъ черезъ него-же £1 6d., £2 1 1, 16s. 6d., £1 4 8. Всего £10 9 2. И того въ сложности £93 8 3.

Пожертвовано деньгами за 1893 г.

Отъ Ротштейна 8s.; Л. Гольденберга 17s. 7d.; двухъ товарищей изъ Германіи 12s.; Р. изъ Германіи 10s.; изъ Вѣны 7s. 2d.; черезъ Еваленко £2 7 9; отъ Петрова £27 18s. и £3 18 6; «никто» 1d.; Р. изъ Швейцаріи 5s.; К. В. Н. £27 16s.; черезъ Л. Шишко £7 4 4; Доброджанъ £1 5s.; отъ Русской на устройство митинга противъ американскаго трактата 19s. 6d.; N.N. 4s. 2½d. Черезъ Н. Чайковскаго: А. А. £50; N. N. £1, £3 и £1. Черезъ Ф. Волховскаго: Сочувствующій Россіянинъ 10s.; Товарка 4s.; черезъ В. Войнича по листкамъ 16s. и Л. Войничъ по листкамъ 14s. 3d. и £1 3 4; отъ М. изъ Германіи 7s. и Р. изъ Германіи £2 и £2 4 9; отъ Флеровскаго на издержки по изданію его книгъ £175; отъ рабочаго кружка въ Россіи 10s.; черезъ Христофорова 2s. 6d.; С. Р. и М. 10½d. Всего £313 2 10.

Пожертвовано книгами по 1-ое января 1893 г. на сумму:

Отъ Н. Чайковскаго £12 18 3½; отъ Алисова 14s. 2d.; отъ Бурцова £1 16 1; отъ Парижскаго Фонда I томъ Кеннана £12 13 3; отъ А. А. Герцена £2 1s.; изъ Голландіи 10s.; изъ Галиціи 10d.; изъ Берлина £5 18s. 7d.; отъ Доброджана £3 5s.; отъ С. 2s. 6d. Всего на сумму £39 19 9½.

Пожертвовано книгами за 1893 г. на сумму:

Алисовъ 4s. 10½d.; Дашкевичъ £1 9s.; N.N. 2s. 4d.; Д. Мокріевичъ £2 18s.; Бурцевъ £3 18 10; Драгомановъ £8 9 4½; А. Н.

3s. 9¾d. и £1 1s.; Степановъ 3s. 2¾d.; отъ русскихъ группъ и лицъ во Франціи и Швейцаріи лѣтомъ 1893 г. £388 5 2. £40 17 2 и £49 19 11; О. изъ Парижа 3s. 9d.; Аарборе черезъ Волховскаго 5s. Всего £481 1 7.

Изданія Фонда В. Р. Пр. до января 1893 г.

Вып. I. Чего намъ нужно, С. Степняка, 1-ое изд.	3,000	экз.	разошл.
„ „ „ „ 2-ое „	5,000	„	
„ II. Заграничная агитація „	5,000	„	
„ III. Еврей къ Евреямъ, Хасина	5,000	„	
„ IV. П. К. Домбровскій (біографич. очеркъ)	5,000	„	
Каталогъ запрещенныхъ книгъ	25,000	„	(gratis).
Кромѣ того, пріобрѣтено цѣликомъ изданіе I-го тома Кеннана	800	„	

Изданія Фонда В. Р. Пр. за 1893 г.

Вып. V. Чудная, Очеркъ, В. Короленко	5,000	экз.	
„ VI. Подпольная Россія, С. Степняка	5,000	„	
„ VII. Конституція гр. Лорисъ-Меликова	5,000	„	
„ IX. Кто чѣмъ живетъ, С. Дикштейна	5,000	„	
Къ товарищамъ, воззваніе по поводу Рус.-Амер. трактата о выдачѣ политическихъ эмигрантовъ	3,000	„	(gratis).
Листокъ летучій	10,000	„	
Каталогъ запрещенныхъ книгъ	22,000	„	(gratis).

Распространено книгъ до января 1893 г.

Продано своихъ и чужихъ изданій	12,776	экз
Пропало при перевозкѣ въ Россію	2,114	„
Роздано даромъ прессѣ, авторамъ и т. под.	219	„
И того	15,181	
Оставалось	10,044	

Распространено книгъ до 1894 г.

Изданій Ф. В. Р. Пр. продано за границей	10,284	экз.	
„ „ перевезено въ Россію	1,457	„	
„ „ роздано даромъ и пропало	376	„	
Всего	12,017	„	
Оставалось	17,927	„	
Чужихъ изданій продано за границей	7,471	„	
„ „ перевезено въ Россію	903	„	
„ „ роздано даромъ и пропало	76	„	
Всего	8,450	„	
Распространено всѣхъ книгъ за 1893 годъ	20,467	„	
Изъ нихъ доставлено въ Россію	2,360	„	

Печатаются слѣдующія изданія:*

Зарницы, Драматическія сцены, Н. Старикова - - 5,000 экз.
Чему учитъ «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», Ф. Волховскаго - - - - - - - - 5,000 „
Азбука Соціальныхъ Наукъ, Н. Флеровскаго:
Греко-Римская Цивилизація - - - - - - 5,000 „
XVII и XVIII Вѣкъ Современной Западно-Европейской Цивилизаціи - - - - - - - 5,000 „
XIX Вѣкъ Современной Западно-Европейской Цивилизаціи - - - - - - - - 5,000 „

Дальнѣйшіе летучіе листки.

Къ этому нужно прибавить, что при Фондѣ Вольной Русской Прессы имѣется особое отдѣленіе для транспортированія книгъ въ Россію. Это отдѣленіе имѣетъ особую организацію и средства, совершенно независимыя отъ вышеозначенныхъ пожертвованій. Публиковать подробности этой отрасли дѣла мы не считаемъ удобнымъ. Расходы-же особой кассы этого отдѣленія простирались за отчетный періодъ до £129 17 2.

При организаціи всего этого книжнаго дѣла намъ пришлось встрѣтиться съ фактами, которыми считаемъ не лишнимъ подѣлиться.

Когда коммитетъ Фонда объявилъ, что онъ даромъ своихъ изданій раздавать не будетъ и вообще намѣренъ вести матерьяльную сторону дѣла на коммерческомъ основаніи,—на него, какъ и можно было ожидать, посыпались обвиненія въ торгашествѣ, недостойномъ людей идеи. Въ отвѣтъ на это считаемъ полезнымъ сказать нѣсколько словъ.

Какъ извѣстно, въ прежнія времена большая часть революціонныхъ изданій предпринималась независимыми группами, которыя были убѣждены, что нагая истина уже сама по себѣ есть сила, не нуждающаяся въ вооруженіи для побѣды надъ міромъ, и что поэтому стоитъ напечатать умную вещь чернымъ на бѣломъ, а за читателемъ дѣло не станетъ. Идеи были «свои», — значитъ, не доставало только средствъ на типографскіе расходы, чтобы сдѣлать ихъ достояніемъ общественнаго мнѣнія. И вотъ, цѣлые годы тратились на добываніе этихъ «средствъ» отъ хорошихъ людей. Наконецъ, средства получались, брошюра или книга бывала отпечатана, и что-же? — она не находила своихъ читателей, кромѣ нѣсколькихъ личныхъ друзей автора, которые, кстати сказать, всѣ и такъ хорошо знали, что онъ можетъ написать; 100, много 200 экземпляровъ брошюры расходилось, такимъ образомъ, по рукамъ, а остальныя 9/10 изданія лежали гдѣ-нибудь на

* Всѣ вышли въ свѣтъ во время печатанія отчета.

чердакѣ у издателей или даже у типографщика, въ обезпеченіе недоплаченнаго ему долга по напечатанію. Тѣмъ дѣло и кончилось. Съ трудомъ добытыя средства погибали, и группа принуждена была прекратить свою авторскую и издательскую дѣятельность. Правда, эти самыя 9/10 изданія часто потомъ попадали за безцѣнокъ въ руки лавочниковъ-спекуляторовъ, которые, налѣпивъ на брошюру свое имя, продавали ее за баснословную цѣну русскимъ туристамъ; но сомнѣваемся, чтобы это былъ тотъ конецъ, какой имѣли въ виду иниціаторы, или чтобы онъ былъ вообще лучшій въ интересахъ самаго дѣла.

Всѣ такіе и подобные факты убѣдили насъ въ слѣдующемъ: пора для поддержанія и расширенія агитаціонной литературы поискать новаго основанія; пора перестать ожидать средствъ на опубликованіе живыхъ идей отъ доброхотныхъ дателей и христолюбцевъ и обратиться за ними къ самому читателю; пора выйти изъ замкнутой атмосферы кружка, группы или колоніи на широкое поле общественной и по необходимости демократической жизни. Кругъ читателей, которыхъ должны достигать изданія въ наше время для того, чтобы производить какое-нибудь замѣтное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, на столько расширился, что для дѣла вольной прессы нужно искать болѣе прочнаго и постояннаго основанія, которое давало-бы возможность возвращать разъ затраченныя въ него средства и употреблять ихъ на развитіе издательской и агитаціонной дѣятельности группы. Дѣло должно вестись на строго дѣловыхъ началахъ, изданія должны печататься въ большомъ числѣ экземпляровъ и распространяться черезъ множество агентовъ по возможности за дешево, но не даромъ. Всѣ цѣнныя изданія хищниковъ-спекулянтовъ, продающихъ ихъ за баснословныя цѣны въ свою личную пользу, должны быть перепечатаны и пущены въ обращеніе также за дешево, не больше 2-хъ пенсовъ за печатный листъ. Только такимъ способомъ можно убить спекуляцію на революціонныя идеи въ печати и дать имъ дѣйствительно широкое распространеніе. Мало того, только при этомъ условіи можно обезпечить прочную и постоянную денежную поддержку дѣлу снабженія революціонными изданіями Россіи, гдѣ они по необходимости должны распространяться большею частью, если не исключительно, даромъ. Торговый характеръ дѣла въ этомъ случаѣ становится лишь синонимомъ осторожнаго и разсчетливаго обращенія съ общественнымъ достояніемъ, довѣреннымъ нашему попеченію. Смѣемъ думать, что двухгодовой опытъ Склада Вольной Русской Прессы вполнѣ подтвердилъ справедливость этихъ выводовъ.

Заканчивая нашъ отчетъ послѣднимъ днемъ прошлаго года, мы считаемъ, однако, полезнымъ сказать здѣсь-же, что въ теченіи

1893 г. дѣятельность Фонда хотя медленно, но постоянно, развивалась. Проявленіе симпатій къ нашему дѣлу въ Россіи и при томъ въ совершенно неожиданной средѣ, а также успѣшный возвратъ большей части денегъ, затраченныхъ на собственныя изданія, дали намъ возможность нѣсколько укомплектовать нашу типографію и приступить одновременно къ изданію нѣсколькихъ новыхъ и болѣе объемистыхъ вещей, и вообще издательская дѣятельность Фонда за 12 мѣсяцевъ истекшаго года превзошла и размѣрами, и разнообразіемъ дѣятельность предыдущаго полуторагодоваго періода. Этимъ мы обязаны прежде всего упроченію нашихъ старыхъ связей — какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и пріобрѣтенію новыхъ. Отъ времени до времени люди совершенно намъ непзвѣстные, или извѣстные только по репутаціи, частью-же наши старые друзья, давно упущенные изъ вида, обращаются къ намъ съ предложеніемъ помощи и съ теченіемъ времени становятся дѣятельными и незамѣнимыми участниками дѣла. Между ними есть люди, не принадлежащіе ни къ какой организаціи, есть бывшіе члены различныхъ группъ, уставшіе отъ недостатка практической работы, и есть самые ортодоксальные приверженцы той или иной «партіи», сознающіе насущную необходимость взаимной терпимости и совмѣстной дѣятельности противъ общаго врага — современнаго русскаго бюрократическаго и эксплуататорскаго абсолютизма. Всѣхъ этихъ людей мы считаемъ товарищами или союзниками, которымъ мы обязаны давать отчетъ въ результатахъ дѣятельности Фонда, и отъ усилій которыхъ зависитъ дальнѣйшее упроченіе, развитіе и расширеніе послѣдней. Двухъ вещей по преимуществу ожидаемъ мы отъ нихъ въ ближайшемъ будущемъ: 1) болѣе широкой и вѣрной организаціи въ Россіи распространенія изданій свободнаго печатнаго станка и 2) доведенія до свѣдѣнія тѣхъ оппозиціонныхъ кружковъ или отдѣльныхъ независимыхъ лицъ всѣхъ фракцій, которымъ это еще не извѣстно, что, если они имѣютъ нѣчто сказать или сообщить русскому читающему люду въ интересахъ истины, какъ они сами ее понимаютъ, и освобожденія отъ тиранніи всѣхъ наименованій, но не могутъ этого сдѣлать благодаря, положенію печати въ Россіи, то Фондъ Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ сдѣлаетъ это для нихъ во имя терпимости къ чужому мнѣнію и практической борьбы противъ тиранніи.

Комитетъ Фонда В. Р. Прессы:

Ф. ВОЛХОВСКІЙ,
В. ВОЙНИЧЪ,
С. СТЕПНЯКЪ,
Н. ЧАЙКОВСКІЙ,
Л. ШИШКО.

1-го января 1894 г.
Лондонъ.

Каталогъ

Фонда Вольной Русской Прессы.

1894.

Письма и деньги для главнаго склада адресовать:
W. Voynich, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.

1894.

Каталогъ

изданій, находящихся въ книжныхъ складахъ

«ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ.»

Главный складъ:—

London, 15, Augustus Rd., Brackenbury Rd., Hammersmith, W.

Открытъ ежедневно отъ 9 до 1 ч. по полудни.

Отдѣленія:—

1) **New-York, A. Evalenko, 20, Jefferson Street.**
2) **New-York, L. Goldenberg, 51-52, Tribune Building.**

Книги, отмѣченныя знакомъ ☞, поступили въ склады «Ф. В. Р. Прессы» втеченіе послѣдняго мѣсяца.

а). Русскія книги.

Аксельродъ. Задачи рабоч. интел. въ Россіи. 1893, цѣна 5п. (0,50 фр.).
—Рабоч. движеніе и соц.-демократія. 1885, ц. 10 п. (1,00).
Алексѣевъ П. Рѣчь на судѣ. 1890, ц. 1½ п. (0,15).
Алисовъ. До 10 брошюръ по 2½ п. (0,25).
—Черный годъ. 1892, ц. 2½ п. (025).
—Терроръ. 1893, ц. 2½ п. (0,25).
Бакунинъ. Всѣмъ славянскимъ друзьямъ. 1888, ц. 10 п. (1,00).
—Всемірный революціонный союзъ. 1888, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Парижская Коммуна и понятіе о государственности. Съ предисловіемъ П. Кропоткина. 1892, 2½ п. (0,25).
—Романовъ, Пугачевъ или Пестель. Изд. Герцена. 1860, ц. 6 п. (0,60).
Бардина. Рѣчь на Судѣ. 1893, ц. ½ п. (0,05).
Біографія Домбровскаго. 1893. ц. 2 п. (0,25).
Благонамѣренный, Берлинъ, 1859, № 1—12, по 1 ш. (1,25)
Борисовъ И. Начало конца, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. 1880, ц. 10 п. (1,00).

☞**Впередъ.** Непеpіодическое обозрѣніе. Лондонъ, 1874, Т. III, ц. 10 ш. (12,50 фр.).
☞**Впередъ** „ „ 1876, Т. IV, ц. 3 ш. (3,75).
☞**Впередъ** „ „ 1877, Т. V, ц. 15 ш. (18,75).
☞**Впередъ.** Двухнедѣльное обозрѣніе. Лондонъ—
№ 13—24 (1875 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 25—36 (1876 г. первое полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 37—48 (1876 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
Отдѣльные номера по 6 п. (0,60).
☞**Волховскій Ф.** Чему учитъ «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 1893, ц. 4 п. (0,40).
Вѣстникъ Народной Воли № № 1—5 по 4 ш. (5,00).
☞**Въ память** столѣтія Пугачевщины. 1874. Изданіе журнала «Впередъ», ц. 6 п. (0,60).
☞**Гамбонъ.** Послѣдняя революція (Коммуна). 1874, ц. 6 п. (0,60).
Г. Гейне. Германія, ц. 2 ш. (2,50).
Герценъ. Былое и думы. 1861, Т. 1, 2 по 8 ш. (10,00); Т. 3 по 6 ш. (7,50).
—За пять лѣтъ (55—60). Статьи изъ Колокола. 1861, ц. 6 ш, (7,50).
—Крещен. собственность. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Кто виноватъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. 1859, ц. 6 ш. (7,50).
—Письма изъ Франціи и Италіи. 1858, ц. 8 ш. (10,00).
—Прерванные разсказы. 1857, ц. 5 ш. (6,25).
—Русскій народъ и соціализмъ. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Старый міръ и Россія. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Съ того берега. 1858, ц. 6 ш. (7,50).
—Тюрьма и ссылка. 1858, ц. 5 ш. (6,25).
—Франція или Англія? 1858, ц. 1 ш. 6 п. (2,00).
—14-ое Декабря 1825 г. и Императоръ Николай. Изд. «Полярной Звѣзды». 1858, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
—Собраніе Сочиненій. 10 Том. ц. 35 ш. (44,00).
—Посмертный Томъ. ц. 5 ш. (6,25).
Голоса изъ Россіи. Изд. Герцена. Кн. 1 — 9 по 2 ш. (2,50).
☞**Горе** русской земли. 1893, ц. 4 п. (0,40).
☞**Государственный** элементъ въ будущемъ обществѣ. (Изданіе журнала «Впередъ»). 1875, ц. 3 ш. (3,75).
Д. Мокріевичъ. По двумъ вопросамъ. 1890, ц. 4 п. (0,40).
—За Байкаломъ. Разсказъ. 1892, ц. 10 п. (1,00).
10-е вольной русской типографіи въ Лондонѣ. (Рѣчи и воззванія Герцена). Составл. Чернецкимъ. 1863, ц. 2 ш. 6 п. (3,10).
☞**Дикштейнъ.** Кто чѣмъ живетъ. 2-е изданіе. 1893, ц. 3 п. (0,30).
Драгомановъ. Вольный союзъ. 1884, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Діонизій III СПб. и Платонъ II Москов. 1882, ц. 5 п. (0,50).
—До чего довоевались? 1878, ц. 2 п. (0,20).
—За что старика (Трепова) обидѣли? изъ «Общины» ц. 5 п. (0,50).

Драгомановъ. Историч. Польша и великорус. демократія. 1882, ц. 3 ш. (3,50 фр.).
Либерализмъ и земство въ Россіи. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Къ біографіи Желябова, ц. 5 п. (0,50).
—Наканунѣ новыхъ смутъ. 1887, ц. 5 п. (0,50).
—Терроризмъ и свобода, муравьи и корова. 1880, ц. 5 п. (0,50).
—Турки внутренніе и внѣшніе. 1876, ц. 10 п. (1,00).
—Было бы болото, а черти будутъ! 1880, ц. 10 п. (1,00).
—Учащаяся молодежь и полит. агитація, 1882, ц. 2 п. (0,20).
Емельяненко. Мотивы неволи. Сборн. Стихотв. ц. 1 п. (0,10).
Записки Имп. Екатерины II. Изд. Герцена. 1859, ц. 8 ш. (10,00).
Записки Южно-русскаго соціалиста 1877, ц. 10 п. (1,00).
Записки княгини Е. Р. Дашковой. Съ предисловіемъ Герцена. 1859, 505 стр. 12 ш. (15,00).
Записки И. В. Лопухина. Съ предисл. Герцена. 1860, ц. 6 ш. (7,50).
Засуличъ. Варленъ передъ судомъ. 1890, ц. 2 п. (0,20).
Звѣрства надъ политич. ссыльными въ Сибири, 1882, ц. 2 п. (0,20).
Игнатій. Для истинныхъ христіанъ. 1883, ц. 10 п. (1,00).
Историческій сборникъ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. Съ предисловіемъ Герцена. Кн. 2. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
Каутскій. Экономическія ученія Маркса въ популярномъ изложеніи. 1888, ц. 10 п. (1,00).
Кельсіевъ. Сборникъ о расколѣ. 1861, вып. 1 и 2 по 8 ш. (10,00); вып. 3 (скопцы), ц. 10 ш. (12,50); вып. 4, ц. 9 ш. (11,25).
Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Томъ I, ц. 1 ш. 6 п. (2,00); Томъ II, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Послѣднее заявленіе русск. либераловъ. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Тюремная жизнь русс. революціонеровъ. 1889, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Русскіе государственные преступники. 1891, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Петропавловская крѣпость 1889, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Колоколъ. *№№* 1—155, ц. 200 ш. (250,00).
Конституція графа Лорисъ-Меликова. 1893, ц. 3 п. (0,30).
Короленко. Чудная. Очеркъ. 1893, ц. 1 п. (0,10).
Костомаровъ. Письмо къ Герцену. 1880, п. 10 п. (1,00).
Кудрявцевъ. Первое «Presto» и идеалы Христа. 1893,
Кюхельбекеръ. Избранныя стихотворенія, ц. 1 ш. (1,25).
Лавровъ. Опытъ исторіи мысли. Вып. 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 по 1 ш. 8 п. (2,00).
—Послѣдовательныя поколѣнія. Въ память Елисѣева и Шелгунова. 1893, ц. 10 п. (1,00).
—Историческія письма. 1892, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
Лермонтовъ. Демонъ и запрещенныя стихотв. 1879, ц. 1 ш. (1,25).
Лопатинскій процессъ. 1890, ц. 10 п. (1,00).
Марксъ. Манифестъ коммун. партіи. 1882, ц. 10 п. (1,00).
—Нищета философіи. 1886, ц. 2 ш. (2,50).

Маркъ. Рѣчь о свободной торговлѣ. 1885, ц. 7½ п. (0,75 фр.).
— Введеніе къ крит. филос. права Гегеля. 1887, ц. 10 п. (1,00).
—Гражданская война во Франціи. 1893, ц. 10 п. (1.00).
Мартьяновъ. Народъ и государство. 1863, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).

Международная Библіотека: 29 томовъ. 1875 — 1888.

I. **Панаевъ.** Новгородское возмущеніе въ 1831, ц. 1ш. (1,25).
II. **Матерьялы для біографіи Павла I.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
III. **Князь Трубецкой.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IV. **Якушкинъ.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
V. **Присутственный день Уголовнаго Суда.** Судебныя сцены, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VI. **Объ аристократіи, въ особенности русской,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VII. **Тайное Общество** и 14 Декабря 1825, ц. 4 ш. (5,00).
VIII. **Матерьялы для біографіи А. С. Пушкина,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IX. **Общество пропаганды 1849 г.** ц. 2 ш. (2,50).
X. **Матерьялы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева,** ц. 1ш. 6п. (1,75).
XI. **Бѣлый терроръ,** или выстрѣлъ 4 Апрѣля 1865 года, ц. 1 ш. 6 п. (1.75).
XII. **Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Данилевскаго,** ц. 1 ш. (1,25).
XIII. **Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы,** ц. 2 ш. (2,50).
XIV. **Воспоминанія Княгини Е. Р. Дашковой,** ц. 4 ш. (5,00).
XV. **Записки Екатерины II.** ц. 4 ш. (5,00).
XVI. **Князь Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XVII. **Радищевъ, А.** Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву ц. 3 ш. (3,75).
XVIII. **Унльмотъ.** Письма изъ Россіи. ц. 1 ш. (1,25).
XIX. **Матерьялы для біографіи Кн. Е. Р. Дашковой,** ц. 2 ш. (2,50)
XX. **Сибирь и русское правительство,** ц. 2 ш. (2,50).
XXI. **Скопческія духовныя пѣсни,** 2 ш. (2,50).
XXII. **Матерьялы для исторіи царствованія Николая Павловича** ц. 3 ш. (3,75).
XXIII. **Памяти Братьевъ Бестужевыхъ,** ц. 9 п. (1,00).
XXIV. **Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I-го.** ц. 2 ш. (2,50)
XXV. **Матерьялы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XXVI. **Финансовое положеніе Россіи.** ц. 1 ш. (1,25).
XXVII. **Извлеченія изъ распоряженій по дѣламъ о раскольникахъ при Николаѣ и Александрѣ II,** ц. 1 ш. (1,25).
XXVIII. **Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ.** Составилъ Липранди, ц. 1 ш. (1,25).
XXIX. **Процессъ пятидесяти.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).

Морозовъ. Стихотворенія 1881, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
На родинѣ. 1881, №№ 1 и 2, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Огаревъ. Стихотв. съ портр. автора, 432 стр. 1860. ц. 10 ш. 6 п. (13,00 фр.).
—Разборъ новаго крѣпостного права. 1861, 1 ш. 6 п. (2,00).
—За пять лѣтъ (статьи изъ « Колокола »). 1861, ц. 9 ш. (11,25).
Ораторы бунтовщики (статьи изъ «Набата») ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Первое Мая 1891 г. Рѣчи рабочихъ въ Петербургѣ и адресъ Шелгунову. Съ предл. Г. Плеханова. 1891, ц. 5 п. (0,50).
Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1,00).
—Біографія Лассаля. 1887, ц. 7½ п. (0,75).
—Ежегодный праздникъ рабочихъ. 1891, ц. 1½ п. (0,15)
—Новый защитникъ самодержавія. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Наши разногласія. 1885. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).
Подъ судъ (Прибав. листы къ Колоколу). 1862, №№ 1—13. по 6 п. (0,60).
Полярная Звѣзда за 55—62 гг. подъ ред. Герцена, по 8 ш. (10,00).
По поводу Самарскаго голода 1874 г. Изд. « Впередъ ». ц. 2 ш. (2,50).
Прогрессъ. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1892, №№ 1—15 по 2½ п. (0,25).
Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву и **Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Изд. Герцена, ц. 10 ш. (13,00).
Ренанъ. Жизнь Іисуса, ц. 6 ш. (7,50).
Русскія Новости. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1893, по 1½ п. (0,15).
Рылѣевъ. Думы, ц. 1 ш. (1,25).
—Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія, ц. 1 ш. (1,25).
С. З. 18 лѣтъ войны чиновнич. съ земствомъ. 1883, 1 ш. 3 п. (1,50).
Свободная Россія. Женева 1889, №№ 1—3 по 5 п. (0,50).
Самоуправленіе. Женева 1889, №№ 2—4 по 5 п. (0,50).
Сергѣевскій голодъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1.00).
—По поводу недавнихъ прокламацій. ц. 2½ п. (0,25).
Собраніе матерьяловъ для исторіи возрожденія Россіи. 1887, 8 томовъ. ц. 38 ш. (47,50).
I. Револ. опыты возбуждающагося нигилизма ц. 6 ш. 4 п. (8,00).
II. Біограф. очерки изъ жизни вольнодумцевъ въ началѣ XIX-го столѣтія, ц. 5 ш. 4 п. (6.75).
III. Аристократія и бюрократія въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
IV. Нравственные взгляды на Россію въ концѣ минувшаго вѣка, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
V. Матер. для исторіи царств. Екатерины II, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
VI. Біографія и воспоминанія кн. Дашковой, ц. 5 ш. 4 п. (6,75).
VII. Изъ временъ Александра I и Николая I, ц. 6 ш. (7,50).
VIII. Раскольники въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
Собраніе постановл. по расколу. 1863, Т. 1 и 2 по 8 ш. (10,00).
Союзъ или борьба? ц. 10 п. (1,00).

Стоглавъ. Соборъ, бывшій въ Москвѣ при Иванѣ Грозномъ. 1860, ц. 8 ш. (10,00 фр.)

Соц.-демократъ, №№ 1, 2, 3. 1890—1892, по 2 ш. 5 п. (3,00); № 4 [по 4 ш. (5,00).

☞ **Стариковъ, Н.** Зарницы. Драматическія сцены. 1894, ц. 3 п. (0,30).

Степнякъ, С. Чего намъ нужно и Начало конца. 92. изд. 2, ц. 2 п. (0,25).

—Заграничная агитація. 1892, ц. 2 п. (0,25).

☞—Подпольная Россія. 1893, ц. 2 ш. (2,50).

— Съ портретами и въ переплетѣ. ц. 3 ш. 4 п. (4,00 фр.)

Толстой Л. Исповѣдь, ц. 2 ш. 5 п. (3,00).

—Какова моя жизнь? 1886, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).

—О жизни. 1891, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).

—Деньги. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).

—Письмо къ N. N. ц. 10 п. (1,00).

—Понятіе о Богѣ. 1889, ц. 10 п. (1,00).

—Критика догмат. богословія, 1891. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).

—Крейцерова соната. 1890, ц. 2 ш. (2,50).

—Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ, ц. 8 п. (0,75).

—Николай Палкинъ, 1891. ц. 10 п. (1,00).

—Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. 1891, ц. 10 п. (1,00).

—Въ чемъ моя вѣра. 1892, ц. 4 ш. (5,00).

—Что-же намъ дѣлать? 1893, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).

—Ученіе 12-ти Апостоловъ. 1892, 10 п. (1,00).

—Ученіе Бондарева. 1892, ц. 10 п. (1,00).

—Письмо къ Французу. 1892, ц. 10 п. (1,00).

—Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій. Томъ I. 1892, ц. 5 ш. (6,25); Томъ II. 1893, ц. 4 ш. (5,00).

—Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Повѣсть. 1892. ц. 2 ш. 3 п. (3,00)

☞ **Толстой Ал.** Сказка про то, какъ царь Археянъ ходилъ Богу жаловаться. 1893. ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Тургеневъ и Кавелинъ. Письма къ Герцену. 1892, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).

Трубецкой, Н. Муравьевъ, Луниннъ, Пущинъ. Записки декабристовъ. Изд. Герцена. 1863, ц. 4 ш. (5,00).

Фейербахъ. Сущность христіанства. 490 стр. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).

Финансовое положеніе Россіи, ц. 1 ш. (1,25).

☞ **Флеровскій Н.** «Азбука соціальныхъ наукъ.» Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. 1894, ц. 1 ш. 3 п. (1,50); XII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи. 1894. ц. 1 ш. (1,25); XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи, 1894, ц. 2 ш. (2,50).

Хаснинъ. Еврей къ Евреямъ. 1892, ц. 4 п. (0,40).

☞ Хитрая Механика. Изд. 4-ое «Впередъ». 1877. ц. 3 п. (0,30).

Цебрикова. Каторга и ссылка. 1891, ц. 10 п. (1,00).

Чего хотятъ соціаль-демократы? 1888. ц. 8 п. (0,80).

Че-ко. Опытъ соціологіи. 1883, ц. 4 ш. (5,00).

Чернышевскій. Научились-ли? 1879, ц. 5 п. (0,50).

Чернышевскій. Судъ надъ нимъ и біографія Лессинга, ц. 3 ш. 4 п. (4,00 фр.).
—Объ общин. владѣніи землею. 1879, ц. 4 ш. (5,00).
—Письма безъ адреса. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
☞ —Прологъ пролога. Романъ изъ начала 60-хъ годовъ. 1877, Изд. «Впередъ». ц. 3 ш. (3,75).
—Заговорщики и соумышленники Наполеона III (по Кинглеку). 1890, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
Шевченко. Марія (поэма), 1885. ц. 5 п. (0,50).
Щедринъ. Какъ высѣкли д. с. совѣтника. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Орелъ-Меценатъ. 1890, ц. 7 п. (0,75).
—Новыя сказки. Топтыгинъ. I, II, III. 1893, ц. 2 ш. (2,50).
—Три сказки. 1890, ц. 10 п. (1,00).
—Чужую бѣду руками разведу. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
Якушкинъ. Записки Декабристовъ. Изд. Герцена, 62, 2 ш. 6 п. (3,00).
Энгельсъ. Разв. научнаго соціализма. ц. 1 ш. (1,25).
—Людвигъ Фейербахъ. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

б). Рѣдкія русскія книги.

Вольное Слово. Журналъ. Полныя коллекціи. ц. 30 ш. (37,50).
Впередъ. Двухнедѣльное обозрѣніе. Полныя коллекціи NN. 1—48. Лондонъ 1875—1876. Цѣна 100 ш. (125 фр.).
—Журналъ. Годовое обозрѣніе. Полныя коллекціи. Томы 1—5. Лондонъ 1873—1877. ц. 100 ш. (125 фр.).
Внушителя словили. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Изъ-за рѣшетки. Сборникъ стихотв. русскихъ заключенниковъ по полит. причинамъ въ періодъ 1873—1877. ц. 10 ш. (12,50).
Лавровъ. Русской Соціально-революціонной молодежи. По поводу брошюры: Задачи револ. пропаганды въ Россіи 1874, ц. 5 ш. (6,25).
Общественная служба въ будущемъ обществѣ. Двѣ записки представленныя на Брюссельскій Конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ въ 1874. Лондонъ 1875, ц. 5 ш. (6,25).
О смутномъ времени на Руси. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Процессъ пятидесяти. Изданіе «Впередъ». ц. 1 ш. (1,25).
Процессъ В. Осинскаго, С. Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и В. Волошенко. 1879, ц. 10 п. (1,00).

Сказка Говоруха. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50 фр.).
Сказка о кривдѣ и правдѣ. 1875. Изд. «Впередъ», ц. 4 п. (0,40).
Славянскій вопросъ. 1876. Изд. «Впередъ». ц. 1 ш. (1,25).
Ткачевъ. Анархія мысли. Собраніе критич. очерковъ. Лондонъ 1879. ц. 3 ш. (3,75).
Флеровскій Н. На жизнь и смерть. Изображеніе идеалистовъ. Романъ. ц. 8 ш. (10,00).
Цебрикова. Письмо къ Александру III. ц. 1891. 10 п. (1,00).

в.) Малороссійскія.

Громада. № 1, 1878 г., № 1, 2, 1881 г. по 1 ш. 8 п. (2,00); № 2, 1878 г. 4 ш. (5,00); № 4, 1879 г., № 5, 1882 г. по 4 ш. (5,00).
Драгоманов. Нові українські пісні. 1881. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Политичні пісні укр. народу. 1885. Розд. I 2 ш. 10 (3,50); Розд. II. 3 ш. 2 п. (4,00).
Мірній и Білік. Хива ревуть воли, як ясла повні? 1880. 4 ш. (5,00).
Подолинскій. Життьа j здоровja льудej на Украjіні. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Ремесла j хвабрики на Украjіні. 1879. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шевченко. Марjа мати Jсусова. 1882 5 п. (0,50).
—Поезjі. 2 ш. 6 п. (3,00).
Драгомановъ. Евангельска віра в старой Англіі. 1893. 2 п. (0,25).
Куліш. Магомет и Хадиза. Поэма. 1883. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Хуторна поэзія. 1882. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шекспирові творі. Поперекладав Куліш. Том I. (Отелло. Троія та Кресида. Комедія помилок.) 1882. 4 ш. (5,00).
Про богацтво да бѣдносць (бѣлорусское изд.) 1881. 4 п. (0,40).

в). Польскія.

Bard oswobodzon. Polski. 200 narodowych piesni. 1 s. 6 d. (2,00).
Emigracja Polska od 1831—1863 roku. Krotki rys historyczny. 1 s. (1,25).
Mieroslawski L. Poezje. Pierwsze wydanie zbiorowe posmiertne. 1 s. (1,25).
Mirtow. (Lawrow.) Listy historyczne. 2 s. (2,50).
Pobudka, organ polski narod.-socyalnej partyi. Paryz. po 1 d. (0,10).
Praca. Za lat 15 roczniki po 2 s. 6 d. (3,00).
Roczniki Pobudki po 2 s. (2,50).
Wolne Polskie Slowo po 3 d. (0,30).
Przeglad Emigracyjny. Dwutygodnik ekonomiczno-spoleczny. 1893. Numer pojedynczy. 4 d. (0,40).
3 Maja. W setna rocznice konstytucyi 3 Maja. 6 d. (0,60).
Z dzisiejszej doby, No. V. W 30 rocznice powstania Styczniowego. Kilka slow o polityce narodowej. 1893. 2½ d. (0,25).

—No. VI. Kilka slów o stanowisku rządu rosyjskiego w obec naszych ruchow robotniczych. 1893. 2½ d. (0,25).
—No. VII. Polityka rzadu wzgledem kosciola. 1893. 2½ d. (0,25).
Nasz patryotyzm. Podstawy programu współczesnej polityki narodowej. 1893. 5 d. (0,60).
Sprawa Robotnicza. Organ Soc.-Demokrat. Wychodzi raz w miesiac, 3 s. (4,00) 1 dol. rocznie.

д.) Англійскія, Нѣмецкія и Французскія.

Free Russia. Annual subscription, post free . 1 s. 6 d. (3,00).
Bound Vols. of FREE RUSSIA—
1890, 1891, & 1892, complete 21 s. (26,15).
" " without 1st. No. 6 s. 6 d. (8,00).
1890 & 1891, complete 20 s. (25,00).
" without 1st No. 4 s. (5,00).
1892. 3 s. (3,75).
1392 & 1893 without 1st No. 4 s. (5,00).
1893, 3 s. (3,75).
—Amer. edit. Annual subscription, post free, 4 s. (5,00).
Journey under Arrest (A) 2nd edit. 3 d. (0,30).
Kennan. Siberia and the Exile System (2 vols. ill.). 32 s. (40,00).
Lanoe Falconer. Melle Ixe. 6th ed. 1 s. 6 d. (1,80).
Slaughter of Polit. Prisoners in Siberia (The). 27th thousand 1 d. (0,10).
Stepniak. The Career of a Nihilist, 2nd edit. Cloth. 3 s. 6 d. (4,40).
—The Russian Peasantry, 2nd edit. Cloth. 10 s. 6 d. (13,10).
—The Russian Storm-Cloud. Cloth. 7 s. 6 d. (9,40).
—Russia under the Tzars. Cloth. 3rd ed. 6 s. (7,50).
—Underground Russia. 3rd ed. Cloth. 6 s. (7,50).
To the Arctic Zone. 2 d. (0,25).
Peter Kropotkine. The Commune of Paris. 1 d. (0,10).
H. M. Thompson. Are Russian Internal Affairs Any Concern of Ours. 3 d. (0,30).
Bibliography of the Russian Question. 1 d. (0,10).
The Russian Extradition Treaty. Reasons why it should be abrogated, being a reply to prof. Moore's article in the July Forum. 5 d. (0,50).
Volkhovsky. At theMercy of Every Officials. 1 d. (0,15).
Frei Russland. 1892. 3 s. (3,70).
Stepniak. Der russische Bauer. 1 s. 6 d. (2,05).
Herzen. La conspiration russe de 1825. 1858. 1 s. (1,25).
—La France ou l'Angleterre ? 1858. 1 s. (1,25).
Ogareff. Essai sur la situation russe. 1862. - 3 s. (3,75).
Van Eeden. Lettre à Alexandre III (traduit du hollandais). 6 d. (0,60)
A. Herzen (professeur à Lausanne). Le peuple russe et son gouvernement. 1890. 1 s. (1,25).

e) Фототипіи.

Г. Кеннанъ; С. Перовская; Вѣра Засуличъ; В. Осинскій; С. Дикштейнъ — по 1 п. (0,10), за пересылку 2 п. (0,20). — Выписывающіе при этомъ книги за пересылку не платятъ.

Біографіи: Желябова, Перовской, Кибальчича, Гельфманъ; За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, 1873; Записка министра Палена, 1875; Календарь Нар. Воли, 1883; Номера «Народной Воли»; Процессъ 193-хъ; Процессъ 16-ти; Сказка о 4-хъ братьяхъ; Сказка о копѣйкѣ; Мужицкая правда; Степняка. Біографія С. Бардиной; Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ; Черный Передѣлъ, и Земля и Воля. Всѣ эти изданія распроданы и въ случаѣ необходимости могутъ быть перепечатаны въ нашей типографіи, если заказъ будетъ сдѣланъ въ количествѣ 500 экз.

Выписывающіе книги изъ складовъ по почтѣ прилагаютъ на пересылку по 1 пенни на каждый шиллингъ (10 сант. на франкъ) стоимости.

Лицамъ, лично извѣстнымъ или рекомендованнымъ складу, послѣдній доставляетъ книги въ Россію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Заказъ долженъ быть сдѣланъ по крайней мѣрѣ за полтора мѣсяца до срока доставки; 2) деньги, по 10 фунтовъ стер. за пересылку первыхъ полутора пуда каждаго транспорта и по 3 фунта стер. за каждый слѣдующій пудъ вмѣстѣ со стоимостью книгъ, высылаются впередъ. Складъ доставляетъ въ Россію и непомѣщенныя въ каталогѣ изданія на иностранныхъ языкахъ, касающіяся Россіи, или вообще запрещенныя для ввоза.

Желающихъ получить каталогъ отдѣльно просятъ высылать 1 пенсовую или соотвѣтствующую марку (10 сант., 2 цент.).

P.S. — Въ виду устройства вѣрнаго собственнаго пути въ Россію и нѣкотораго притока пожертвованій на расширеніе дѣятельности Фонда В. Р. Прессы, администрація послѣдняго считаетъ возможнымъ принять пересылку въ Россію собственныхъ изданій на свой счетъ, если заказъ на нихъ будетъ, въ сложности, не менѣе пятисотъ экземпляровъ. Для Фонда безразлично, будетъ ли выписано одно названіе, или нѣсколько различныхъ названій, лишь бы тюкъ заключалъ въ себѣ не менѣе 500 брошюръ; въ такомъ случаѣ заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.

Институтъ Ленина
[illegible] (б.)